

Даниел Сутралинов

КИРПИЧКИ

Annotation

Это история о «кирпичах», из которых неудачник построил свою крепость успеха и счастья. Осторожно! Текст содержит ненормативную лексику.

- [Кирпичи](#)
    - [Часть 1](#)
      -
      - [Кирпич первый](#)
      - [Кирпич второй](#)
      - [Кирпич третий](#)
    - [Часть 2](#)
      - [Кирпич пятый](#)
      - [Кирпич шестой](#)
      - [Кирпич седьмой](#)
      - [Кирпич восьмой](#)
      - [Кирпич девятый](#)
      - [Кирпичи тяжелы](#)
-

Кирпичи

Часть 1

– Ты в магазин? Купи мне шоколадку, Резвей, – попросила Лида. – Очень хочется есть, а до обеда еще о-го-го сколько!

Вот, стерва, а! Так подставить, а теперь спокойно о чем-то меня просить! Лидка Фрайбергер, несмотря на сложившийся стереотип о некрасивых немках, отличалась офигительной внешностью. Она это знала, и самое хреновое, она этим во всю пользовалась.

Сидящий в кабинете народ дружно скалится. Всем интересно, как яотреагирую. Епт.

Шеф дал нам с Лидкой проект. Свою часть проекта я выполнил, а наша деловая стрекоза Лидочка, занятая куда более важными делами, не успела. И ладно бы не успела да покачалась – шеф бы побурчал и продлил бы срок – нет!

Утром, на планерке, не моргнув глазом, заявила: «Михаил Степанович, выполнение проекта задержано по вине Резвея, не собравшего в срок данные по заказчику». Резвей – это моя фамилия.

Я от удивления потерял дар речи. А Степаныч, старый хрыч, внимательно изучив длиннющие Лидкины ноги, заканчивающиеся где-то на уровне его груди, вынес вердикт. Проект закончить до завтра, Резвея лишить квартального бонуса.

В общем, послать Лидку в далёкие края или принести шоколадку, вопрос не стоит. Первое сделать не позволяет врожденная робость и воспитание. Оставалось второе. Но вопрос в том, как бы ответить, окончательно не растеряв остатки гордости. Если бы мы с Лидкой были одни, я бы просто согласился, но коллектив, до этого сосредоточенно кликающий мышками, замолк и превратился в само внимание. Поворочав мозгами, я нашел, казалось бы, компромиссное решение.

– Хорошо, – буркнул я, – но с тебя чашка горячего кофе к моему приходу.

– Щас, разбежался, – скривила губы Лидка, – не маленький, сам нальешь.

Такого ответа я не ожидал. Где-то в углу программистов послышался отчетливый смешок. Это Саня Бородаенко не сдержал презрения. Он вообще всех презирает, а меня – особенно.

– Резвей, и мне сигарет купи, белый «Мальборо»! Белый, слышь, не красный! – заорал стажер Панченко.

– А мне щенка, кроссовки и барабан! Ладно, Резвей? С получики отдам! – то Бородаенко не удержался и проявил остроумие.

***

Шел дождь, чавкающая грязь при каждом шаге взлетала вверх и норовила приземлиться на мои штаны, морозящий дождь заставлял жмуриться, а это при моем плохом зрении плюсов в ориентации на местности не давало.

Коммунальные службы перекопали участок дороги возле офиса, сменили трубы, но вновь заасфальтировать забыли. Местность напоминала колхозное поле после уборки урожая.

Мимо с гудением пронесся грузовик. Его водитель весело погрозил мне кулаком, сбивая с толку. Комья слякоти залепили штаны и куртку. Сопутствующие водопады грязи залили очки и лицо. В голову упорно лезли мысли о ковровых бомбардировках. Настроение начало ухудшаться. Хотелось кого-нибудь убить.

Цель, ради которой я вышел из офиса, явно не стоила всех мучений. У меня разболелось горло, и мне хотелось смягчить его какими-нибудь леденцами. До продуктового магазина недалеко, и черт меня дернул рискнуть в такую погоду выйти из офиса!

В магазине душно. Остановившись у витрины с колбасами, я снял очки и протер их платком. Вытер лицо, одел очки – жизнь стала налаживаться. За кассой стоит женщина лет сорока, очки в роговой оправе грозно сверкают, копна обесцвеченных волос делает продавщицу похожей на прищельца из восьмидесятых. На меня – ноль внимания.

Пока я приводил себя в порядок, в магазин зашел еще один покупатель. Тяжелые ботинки, облепленные грязью, щетина и короткая прическа – молодой парень, классический рабочий класс. По магазину прокатился запах перегара и пота.

– Бутылку водки и два пива! – на удивление приятным голосом попросил парень.

– Какое именно пиво?

– Мне «Самурай», а вот этому... – здесь он повернулся ко мне. – Тебе какое «Клинское», чудик? И зовут-то тебя как?

«Эх!» – пронеслось в голове, – «Неудобно отказываться».

– Мне, пожалуйста, «Арриву». А зовут меня Резвей.

– Слышала? «Арриву» ему! И пару пластиковых стаканчиков! –

рявкнул он. – Оч приятно, Резвей! Меня Лёхой зовут! Верняк моя фамилия!

– Я, конечно, извиняюсь, Лёха, – робко спросил я, – но чем вызвано угощение?

– Братуха, так ты получается сам себя извиняешь, что ли? – поинтересовался Лёха.

– В смысле, – не понял я.

– Ну вот смотри: я умываюсь значит, я умываю сам себя, да? Получается, ты извиняешься перед самим собой?

– М-э, – промычал я, – ну, так же говорится... Извините.

– Вот, это уже по-русски. А повода нет – просто увидел хорошего человека и захотелось его угостить.

С этими словами он расплатился с продавщицей и кивком показал следовать за ним. Я совсем забыл и про леденцы, и про Лидкину шоколадку – словно какая-то невероятная сила подталкивала меня вслед за Лёхой. Он шел упругим и четким шагом уверенного в себе человека, расправленные плечи и высоко поднятая голова только усиливали впечатление. Мы вышли из магазина. Дождь не прекращался.

– А куда пойдем-то?

– Да сядем сейчас на лавочке в скверике, тут недалеко.

– А дождь?

– Ты что, растаять боишься?

Желание задавать вопросы испарилось.

Что я делаю? Куда я иду с этим человеком? Я искал объяснений и не находил их. Разум подсказывал, что надо вернуться в магазин и купить необходимое, все то, что заказали ребята из офиса, где меня через минут двадцать по закону подлости начнут искать. Но желания возвращаться туда не было.

***

Дождь выполнил свою миссию и прекратился. Из-за облаков на минуту сверкнул луч солнца. В сквере пусто.

Леха сел на мокрую от дождя скамейку, а его вид говорил о том, что Лёху не заботят такие мелочи. Я робко примостился рядом. Открыли пиво. Пить холодное пиво на улице при такой мерзкой погоде большого удовольствия не представляло.

– Ну, как пиво? – спросил Лёха.

– Пиво как пиво, – пожал я плечами, – холодное.

– Ясно. Ну, рассказывай! – после небольшой паузы сказал Лёха.

– О чем?

– Как о чем? Чем живешь, чем дышишь. Кто ты вообще такой?

Потребность высказаться и выпитое на голодный желудок пиво развязали мне язык. Через минут двадцать Лёха знал обо мне все. Какими-то ненавязчивыми вопросами и глубокомысленным хмыканьем он направлял мой рассказ и, дослушав, подвел итоги:

– Итак, Сергей Резвей, 27 лет, жены нет, родители далеко, девушки тоже нет, работаешь рекламщиком. Работой доволен, но в коллективе авторитетом не пользуешься. Зачем живешь-то, Серега? В чем смысл?

– Смысл? Жить.

– Жить, чтобы жить? Не парь мне мозги! Наверняка у тебя есть какие-то мечты, планы, цели. Проблема в том, что ты пытаешься угодить всем, зачастую в ущерб себе. Все, что тебе нужно для счастья, это осознать, что все твои мечты – вполне исполнимы, и зависит все только от тебя. Стань эгоистом, в хорошем таком смысле. Наберись здоровой наглости. Будь грубее и не бойся казаться невоспитанным, сейчас воспитанные люди не в моде – перестань через слово вставлять «пожалуйста» и «извините». Отвечай односложно и предельно конкретно – если хочется ответить «нет», скажи «нет и точка!». Забудь о воспитании – в этом мире выживает не самый воспитанный, а самый наглый. Стань хамом – хамство упрощает взаимопонимание. А теперь запомни – все вышесказанное относится только к тем, кто пытается тебя использовать. Неважно, сестра это, шеф, коллега или просто случайный прохожий. Вот простой пример: ты спешишь на работу, но тут тебя останавливает прохожий и просит сигарету или огня, не важно. Как ты поступишь?

– Конечно, дам сигарету, – не задумываясь ответил я.

– И опоздаешь на работу?

– Да нет, это же не займет и минуты.

– А вот послать его или просто ответить отказом не займет ни секунды! А представь, что по дороге на работу тебе встретились десять прохожих, стреляющих курево. И ты из-за них опоздаешь на работу, что несомненно, не приведёт твоего шефа в восторг. При таком подходе рано или поздно твои опоздания приведут к увольнению или лишению премии.

– Да меня уже и так лишили премии...

– Вот видишь. Эта длинноногая блядь Лида живет себе припеваючи, гуляет, на работе хуи пинает, а что в итоге? Мой кореш Серега без премии, а стерва Лидка посмеивается над ним, да еще и гордится своей находчивостью...

– Она не блядь, она хорошая, – промямлил я.

– Так ты к ней неравнодушен что ли? – изумился Лёха. – И ты думаешь, что если и дальше позволишь ей ездить на себе, то она и ноги раздвинет?

– Ну, ноги не ноги, но...

– Знай, Резвей, что нормальная баба никогда не будет не то что спать, а даже встречаться с неуверенной рохлей. Тем более, такая стерва. Зачем ей с тобой встречаться, если ты и так под нее стелешься? – Лёха на секунду призадумался, а потом воскликнул. – Да тут же поле непаханое! Слушай, а че ты со мной-то пошел? Тебе же на работу надо было возвращаться?

– Э-эх...

– Короче! Я буду не я, если не сделаю из тебя мужика! Вот номер моего сотового, – сказал Лёха, протягивая мне визитку. – Позвони мне после работы – попьем пива и продолжим беседу. А сейчас иди в офис и попробуй хоть оставшееся рабочее время быть мужиком!

С этими словами Лёха встал и направился к магазину. Я повертел его визитку – дорогая темно-зеленая бумага и белым шрифтом надпись: «Лёха».

Кирпич первый

Вахтер и охранник в одном лице Жора расплылся в улыбке. Представив себя в данный момент, я понял, какое зрелище из себя представляю: мокрые встрепанные волосы, нелепые очки, грязная одежда и визуально увеличившиеся в размерах за счет налипшей грязи туфли.

«Ну что же, хоть кому-то я сделал приятное, хоть кого-то развеселил», – подумал было я, но, вспомнив Лёху, неожиданно даже для самого себя ляпнул:

– Че лыбишься, идиот?

Жора застыл с оскаленным ртом, уголки рта поползли вниз, а в глазах появилось изумление. Не дожидаясь, пока Жора опомнится, я проشمыгнул мимо него на лестницу. К последствиям собственного поступка я пока готов не был. Опомнившийся Жора прокричал вслед что-то похожее на «Ты че, гнида!..», но дальнейшего обращения я не услышал. Возможно Жора взывал к моей совести, а может просто хотел объяснить, что он улыбался вовсе по другой причине. Кто знает. Лично я склонялся к версии о том, что Жора хотел максимально доступными методами внушить мне неприемлемость моей линии поведения без должного к нему, к Жоре, уважения. Проще говоря, дать мне по шее.

Да, пробыть даже полдня «мужиком» без должной подготовки, а тем более не подкрепленной возможностью физически обосновать свои слова, тяжело.

Поднявшись на второй этаж, где находился офис нашей фирмы, я зашел в туалет и стал приводить себя в порядок: снял очки, почистил одежду, вымыл руки, потом умыл лицо. Вгляделся в зеркало – обычный парень, серые глаза, короткие русые волосы... На лбу – шрам в виде молнии. Ха-ха, шучу. Шрамов нет и не было не то что на лбу, вообще ни на какой части тела. Драться – никогда я не дрался, а от жестоких порезов и падений Бог миловал. В общем, важная часть в моей жизненной подготовке была упущена, а что-то наверстывать в двадцать семь лет было поздно. Или еще не поздно?

Вообще, жил я по принципу «Все люди хорошие, пока не докажут обратное». Если же «люди доказывали обратное», я в очередной раз разочаровывался в этом мире, впадал в апатию и терял вкус к жизни. А потом просто переставал с доказавшими обратное общаться.

Встав у окна, я закурил сигарету. Втягивая сладкий дым «Мальборо»

вкупе со свежим октябрьским влажным воздухом, я еще раз вспомнил разговор с Лёхой. Странно, но в тот момент я не задавался вопросом, кто этот человек, зачем он завел со мной разговор и учил как жить. Его тезисы доказательств не требовали – моя паскудная жизнь была живым примером как себя вести нельзя.

Пора менять принципы. Отныне, все люди для меня – сволочи и скоты. Пока не докажут обратное.

***

Перед дверью я расправил плечи, распрямил спину и вошел в наш отдел. Сняв куртку, подошел к своему рабочему месту. По экрану монитора лениво летало звучное слово «Придурок». Чёрт. Еще пару часов назад я бы на такую выходку не обратил внимания, наоборот, угодливо посмеялся бы над этой «невинной шуткой». Но сейчас следовать традициям не хотелось. Я оглядел кабинет и тихо спросил:

– Кто это сделал? Кто написал слово «Придурок» в моем скринсейвере?

Ноль внимания. Лидка, взглянув на меня, фыркнула, а Панченко визгливым голосом заорал:

– Резвей! Явился – не запылится! Купил Лидке шоколадку? А мне купил сигареты? Не ошибся там сослепу? Я белый «Мальборо» заказывал!

Народ оживился. Все приготовились к шоу. Из-за мониторов повылезали уже готовые к веселому хохоту лица. «Значит, шута нашли?» – зло подумал я. – «Ну будет вам шоу!». Самое главное, это голос, а голос у меня тихий. Раз громко говорить не получается, придется орать. Я набрал полную грудь воздуха и закричал:

– Тебе, Панченко, не о куреве надо думать, а о том, пройдешь ли ты испытательный срок! Стажер, бя! Где маркетинговое исследование? Ты его еще на прошлой неделе должен был подготовить!

– Серега, да ладно тебе, ты че это?

– Серега? Да какой, нахуй, я тебе Серега? Сергей Александрович, бя!

Я выдохся и замолчал. Что дальше говорить, я не знал. Высказать то, что давно накипело – проще. Оскорблять и хамить специально я пока не мог.

Стало тихо. Коллеги перестали клацать кнопками клавиатуры, и лишь мерное гудение кулеров повисло в комнате. Даже непомерно толстый копирайтер Левон Гараян перестал жрать бутерброд и с открытым ртом

установился на меня. Чрезмерное внимание меня завело посильнее дешевых требований Панченко:

– Чё установились? Работать!

Нет, работать никто не стал. Все с каким-то новым интересом рассматривают меня, словно пытаюсь понять, что такого изменилось в Резвее? В глазах любопытство и небольшая тревога, лица напряжены. Тишину нарушил писклявый вопль Панченко:

– Да он же пьяный! Набухался!

Моментально все понимающе заулыбались, с облегчением закивали головами. Люди страшатся необъяснимых вещей, а причиной истерики Резвея было лишь его нетрезвое состояние. Ага. Гараян продолжил трапезу. Я стоял, не зная, куда себя деть, краска заливала лицо. Я сел, в душе проклиная собственную недогадливость, «Дирол» бы предотвратил подобное развитие событий. А Панченко, упиваясь собственной победой, продолжил разоблачительную речь:

– А я еще думаю, от кого перегаром-то несет? Думал, может это спирт Бородаенки, которым он свои компы протирает, смотрю – нет, Бородаенке вообще все пофигу...

– Слышь, ты, салага! – восторженно Саня Бородаенко. – Для тебя я Александр Витальевич!

– Ага, – кивнул Панченко, – смотрю, а Александру Витальевичу все пофигу. Он соизволил в «Сапера» поиграть, и не до спирта ему. И тут я понял! Это ж от Резвея прет – пришел весь в грязи, как будто в канаве искупался, перегаром несет и истерику тут устроил...

– Глохни, Панченко, – сквозь зубы произнесла Лидка. Панченко удивленно на нее посмотрел (как же так, для вас же стараюсь, блин, развлекаю!), но заткнулся.

Она посверлила меня изумрудными глазами и тихо спросила:

– Серж, ты мне шоколадку купил?

– Нет, Лида, извини.

– Ну и ладно, до обеда уже чуть-чуть осталось.

И улыбнулась! Вот зараза-то, а?

***

В столовой за столом я сидел в гордом одиночестве. Кто же знал, что одна выпитая на голодный желудок банка пива дает такой эффект! Перегар похлеще, чем после выпитой бутылки водки! И объяснять я никому ничего

не стал.

Сосредоточенно и спокойно хлебая борщ (аппетит после пива проснулся зверский!), я прислушивался к окружающим столикам.

Краем глаза я видел, как Панченко, глазами показывая на меня, рассказывает утреннюю историю. Девчонки из дизайнерского отдела громко заливались смехом, периодически поглядывая на меня. «Бывают же люди, по трезвой слово бояться вставить, а как выпьют, так на людей с топором кидаются! Вот и Чикатило такой же был», – доносилось до меня.

А после обеда меня вызвал Степаныч. Красный от гнева, он громыхал около получаса.

– Пьяный на работе! Это же ЧП! Устроил истерику в отделе, накричал на Панченко! Радуйся, что генеральный тебя ценит, я бы на его месте дал тебе пинка под зад и уволил за пьянку! Теперь мне понятно, почему у нас заказы в срок не выполняются! В отделе у вас черт знает что творится! Программист в игрульки играет, копирайтер жрет весь день, вместо того чтобы сценарии писать, а ты прям на рабочем месте водку пьянствуешь? В общем, минус пятьдесят процентов из месячного оклада! В следующий раз это будет тебе уроком. И чтобы я тебя сегодня больше на работе не видел! Пшел вон!

И я пошел. Поднялся к себе, взял куртку, сохранил документы, выключил компьютер. Потом прокашлялся, привлекая к себе внимание отдела и сказал:

– Ребята! У нас в отделе появился стукач. Маленький такой стукачок по фамилии Панченко. Знайте, что все, что здесь происходит, этот маленький крысеныш доносит Степанычу.

Панченко спрятался за монитором. Обвинение в стукачестве – это гораздо серьезнее, чем перегар Резвея. Я оделся, громко попрощался со всеми и пошел к двери. Выходя, я услышал за спиной строгий голос Лидки:

– Панченко, до вечера жду результаты маркетингового исследования. Не будет – пощады не жди!

Я улыбнулся. Несмотря на штрафные санкции Степаныча, настроение было отменным. Домой! Чай с лимоном и малиновым вареньем, молоко с медом, теплая ванна и крепкий сон до вечера. А вечером... Вечером я наконец-то наберусь смелости и приглашу Лидку в кино. В кино ли, в ресторан ли, неважно, главное – попробовать. Попытка – не пытка, а откажет, ну хуй с ней – попью пива с Лёхой.

Мои приятные размышления прервал резкий голос вахтера Жоры:

– Резвей, еще раз что-нибудь подобное скажешь, я тебя удавлю. Понял? Скажи спасибо, что нетверезый ты был, видимо на пьяную голову совсем страх потерял.

Сердце застучало сильнее, прошиб пот. Вот они, последствия. Хочется ответить достойно, но здесь наглым быть опасно, можно и по шее получить. Можно... И тут я понял что получить по шее я не боюсь. Наоборот, хочется довести этого имбецила с амбициями Жору, да так, чтобы он кинулся с кулаками. А там... А там посмотрим по ситуации.

– А с чего ты решил, что я нетрезв был, Жорик? С банки пива еще никто не пьянел. Расскажи мне лучше, как ты меня удавишь, когда я тебя на хрен пошлю? Будешь ли ты использовать для этих целей бельевую веревку? Или обойдешься гитарной струной? А, извини, ты же слишком туп, чтобы удавить меня так сложно. Скорее всего ты удавишь меня простейшим способом, а именно – руками, путем сдавления моей шеи пальцами, вследствие чего я прекращу жизнедеятельность от механической асфиксии. Да?

– Да я... я тебя собственными руками закопаю! – оторопевший Жора прохрипел это так, словно уже не он, а его кто-то пытался задушить.

– Бля, Жорик, ну ты определись уже, удавить или закопать ты меня хочешь?

Ответом было молчание. Жорик насупился. А хули. Его бы уволили за избиение сотрудника фирмы, это понял я, и изначально знал сам Жорик. Все его угрозы были бравадой. Выходя из офиса, я чувствовал на себе угрюмый взгляд Жоры. Да, не хотелось бы мне встретить Жору вне стен офиса.

Что ни говори, а сегодня заложен первый кирпич моей крепости. Крепости, которая символизирует мои новые отношения с миром.

Кирпич второй

– Лопата! Более десятка ошибок, и это на первом-то этапе! – Лёха, казалось, взволнован и обеспокоен после моего рассказа о второй половине дня. – Тяжелый случай!

Лидке позвонить я так и не решился. Хотя после горячего чая с лимоном, засыпая под теплым верблюжьим одеялом, присланным ташкентскими родственниками, я мечтал поскорее проснуться, чтобы позвонить ей. Проснулся я в десятом часу вечера, а звонить так поздно не позволяло воспитание.

Ох уж это воспитание! Эти рефлексy и привычки, заложенные заботливыми родителями и доведенные до автоматизма! Е-мое, знали ли вы, мои милые папа с мамой, к чему приведут эти вечные нравoучения? Знали ли вы, насколько прочно они oсядут в моей голове, принося мне сплошные унижения и оскорбления? Империя зла – СССР – воспитала прекрасное поколение – романтичные, умные и добрейшие натуры. Вот только им никогда не выжить в этом мире.

– Ты пойми, чудила, я тебе не мессия и не добрый дядя Степа, который пришел и решил все твои проблемы. Я лишь рассуждаю, а все мои рассуждения по умолчанию спорны и уместны лишь в какой-то данной конкретной ситуации. – Продолжал Лёха лекцию. – Твоя задача уловить суть, принять ее за основу для линии поведения и претворить в жизнь. Понял?

– Понял.

Кое-что я усвоил четко. Жизнь наша – это череда маленьких и больших стимулов, между которыми – путь. Путь к цели. Есть цель. Есть стимул добиться цели. Простой пример: я лежу и смотрю телевизор. Тут мне захотелось поссать. Поссать – это стимул. Это ниибавца какой стимул, особенно после трех-четырёх бутылок пива. Так вот, чтобы добиться цели (получить удовольствие от опорожнения мочевого пузыря), мне надо встать с дивана и пройти в туалет. То есть имеем цель (поссать), стимул (чтобы больше ссать не хотелось) и план выполнения задачи (встать и дойти до сортира). И если стимул перевешивает лень и неохоту, то мы движемся к цели. Поэтому очень важно ставить перед собой хорошие стимулы и реальные цели.

– Молодец. Давай рассмотрим твои ошибки.

Когда я не решился позвонить Лиде, я позвонил Лёхе. Он сразу

ответил и радостно завопил «Му-жи-ик!». После стандартного «Как дела? – Все нормально!» договорились встретиться в «Кирпичах» – маленьком пивном баре около моего дома.

Как же я удивился, когда из подъехавшего джипа «Фольксваген Туарег» вылез улыбающийся Лёха. Я еще раз убедился в ложности стереотипов. Я-то думал, что это какой-то работяга-обыватель, с бодуна решивший меня угостить пивом. Хуй там. На «Туарегах» работяги не ездят.

– Итак, ошибка первая, которую ты и так, наверное, сам осознал. Ты позволил себе иметь легко выявляемое слабое место – появился в офисе с запахом перегара. Никогда не позволяй другим выявлять свои слабости! Ахиллес знаешь как погиб? Во! Так и здесь – ты неуязвим, пока кажешься неуязвимым!

– Угу, – хмуро согласился я. Никому не приятно, когда его тыкают мордой в свои ошибки.

– Че угу-то? Я серьезно. Ошибка вторая. Ты же слышал, что охранник орет тебе вслед что-то нелицеприятное? Последнее слово должно всегда оставаться за тобой. Ошибка была в том, что ты не вернулся.

– Ну вернулся бы я, и чо?

– В том-то и дело все, Серега! Человек, убежденный в том, что ты не ответишь, будет тебе вслед говорить все что угодно. И чисто психологически победа будет за ним! Это же фирменный прием толстых теток с рынка – вы будете орать друг другу в лицо гадости, но когда ты посчитаешь, что дальнейшие препирания бессмысленны, и развернешься, чтобы уйти, то услышишь вслед что-то типа «А! Хлюпик! Ебала я в рот тебя и твою маму!». А ты, хуяк! И вернулся! И в лицо ей: «Че, ты, там, сука, вякнула?».

Лёха так здорово изобразил базарных теток, что я рассмеялся.

– Во. А пока она будет удивлена оригинальным развитием событий, ты, весь из себя гордый и красивый, спокойно съебываешь с места перебранки. Хотя... Мой тебе совет – с базарными бабами пока не пикируйся. Это шестой уровень, а ты и на первый пока не тянешь. Ясно?

– Почти. А че эт за напасть такая – уровни? Первый там, шестой?

– Да это я так, к слову. Просто представь, что нулевой уровень наглости, уверенности в себе и подвешенности языка – это ты, а бабки с колхозного рынка – это шестой.

Пиво «Тинькофф» пилось очень легко. Я и не заметил, как официантка принесла уже по четвертой бутылке.

– Какие еще ошибки я допустил? – спросил я.

Жизнь стала казаться какой-то квестовой игрой, где очень важно без

ошибок пройти уровень, поступая правильно.

– А жизнь и есть игра, Резвей, – улыбнулся Лёха.

– Не понял. Я что, думал вслух?

– Да не, – смутился он, – у тебя просто все твои мысли по глазам читаются. Да не грузись, все нормально, просто алкоголь расширяет сознание, и чтение мыслей нетрезвого человека становится простой задачей уже для третьего уровня. Ха-ха! Повелся? Гонево это все, Серега, го-не-во! Невозможно прочесть мысли, можно лишь просчитать вероятность событий. Поверь мне, у выпившего человека не более десятка желаний, и мысли, соответственно, текут в том же ключе. И сейчас мы думаем об одном и том же, да? Че, по бабам?

– А есть? – с надеждой спросил я.

– Бабы всегда есть. Не бывает такого, чтобы их не было. В сауну поедем.

***

– Здорово, отец! Свободно че-нибудь? – гаркнул Лёха.

«Отец», пожилой мужик с изборожденными морщинами лицом, сидел на лавочке у сауны «Ихтиандр» и с превеликим удовольствием курил папиросу. Глубоко затянувшись, он благоговейно замер, а потом, выпуская клубы дыма, сообщил:

– Кажись «люкс» свободен.

– Спасибо, отец. А невесты на выданье есть?

– Не, невест нет. Проститутки есть.

– Добре!

Удовлетворенный полученной информацией, Лёха зашел в сауну. Я последовал за ним.

В приемной за баром стояла симпатичная девчонка, которой я дал бы лет восемнадцать, если бы не её глаза. Глаза у нее пронзительные, и в то же время, настолько блядские, что казалось нет в мире грехов, не виданных ими. На бейдже написано «Мария», и это имя офигительно подходило к её славянскому облику – синие глаза, светлые волосы, высокая упругая грудь и рост под метр восемьдесят. Увидев нас, Мария заученно улыбнулась, поприветствовала нас и спросила, может ли она нам чем помочь.

– Машенька, конечно можешь! – ласково сказал Лёха. – Давай-ка нам «люкс» на пару часов и пару девочек. Только пришли самых лучших, ладно?

– «Люкс» хоть сейчас, а девчата освободятся только через полчаса. Сейчас все работают.

– А ты не работаешь? – спросил я.

– У вас денег не хватит, – засмеялась Мария.

– Ладно, – произнес Лёха, – тогда как кто освободится, сразу к нам присылай.

Сняли «люкс», разделись, взяли простыни и сланцы и двинули в сауну. Большой деревянный стол в холле окружали такие же деревянные скамейки, в углу – телевизор и караоке. На столе – холодные бутылки с пивом, вареные раки, сухарики, орешки и сушеные кальмары, а также гигантская пепельница. Прямо по центру – небольшой бассейн с, как позже выяснилось, ледяной водой. В холле – еще четыре двери: комната отдыха, она же комната для сексуальных утех; массажная комната; туалет и, наконец, парилка.

– Резвей, ты как хочешь, а я сначала попарюсь. Спиртное до парной – смерти подобно.

– Ну и я, как ты.

После парилки сели за стол. Открытое пиво зашипело, а пена попыталась вырваться на свободу. Почти успешно.

– Короче, переходим к третьей ошибке. К крику прибегай лишь в исключительных случаях. Ничто так не давит на оппонента, как тихий спокойный и уверенный голос. Заорав на этого... Иванченко?

– Панченко.

– Ага, так вот, ты, заорав на Панченко, изначально поставил себя в заведомо проигрышное положение. К крику прибегают те, кто неуверен в собственной правоте, те, кто считает, что криком можно подавить противника. Суть в том, что тот, кто кричит, тратит силы на крик, а не на размышления над ответами. Поэтому в споре побеждает не тот, кто эмоции тратит на повышение громкости голоса, а тот, кто логично и обоснованно высказывает свою точку зрения на вопрос. Понял?

Я понял. Кивнув, я решился задать ему вопрос, который последнее время не давал мне покоя.

– Слушай, Лёха, а зачем оно тебе нужно? Благотворительность?

Лёха пожал плечами и ответил:

– Знаешь, Серый, придет время, и ты сам все поймешь. А в том, что оно придет, я теперь не сомневаюсь.

В дверь тихо постучали. «Войдите!» – заорал Лёха. Дверь приоткрылась, а из-за нее появилась очаровательная мордашка.

– К вам можно?

– Нужно! – крикнули мы хором.

Девчонки закрыли дверь на щеколду и подошли к нам. Красивые, блон. Не Фрайбергер, конечно, но под пиво – очень даже сойдет.

– Лика! Оксана! – представились они и сели за стол.

Кто сказал, что шлюхи все страшные? Те две, что зашли к нам, явно не из этой категории. Классический вариант: грудастая и жопастая брюнетка, и стройная и высокая, но плоскогрудая блондинка. Весело сверкающие глаза и искренние улыбки, свежая чистая кожа и приятный запах – ё-моё, это что за? Никогда не думал, что нынешние шлюхи – это такие вот ухоженные и веселые молодые девчонки.

– Серега, остальные ошибки выявляй сам! А на сегодня урок окончен, баста!

Последние слова Лёха произнес, когда он схватив Оксанку, потащил ее в комнату отдыха.

Лика взяла сигарету, я поднес зажигалку, Лика затянулась. Потом она широко расставила ноги, поставив одну из них на лавочку, моментально приковав мой взгляд к своей промежности и заговорщицки спросила:

– Ну что, пиво будем пить или трахаться?

Вот это меня и поразило! В мое студенческое время шлюхи как могли, тянули время, рассказывая анекдоты или слезливые истории, лишь бы оттянуть момент коитуса. Теперь же сервис улучшился во всем, даже в этом крайне небогоугодном деле.

– Трахаться! – с энтузиазмом ответил я, стягивая с тела простыню.

Из комнаты отдыха стали доноситься охи-вздохи и всхлипывания Оксаны. Мы с Ликой тоже не стали терять время.

А что вы думали? Для мужчины секс с красивой девушкой во все времена служил четким критерием успешности. Пусть даже и такой суррогатный.

Постройка моей личной крепости из теории плавно перетекала в практику. Первый кирпич оказался с браком и выкинут на свалку. На его место встал первый стройный ряд новых кирпичей, закаленных пламенем разбора ошибок и уверенности в собственной правоте.

Кирпич третий

Домой приехал вымотанный, под утро. Потом долго не мог уснуть, анализируя прошедший день. Да уж, денек выдался нелегкий! Поворочавшись в постели еще минут двадцать, я понял, что сон не придет. Холодный душ и легкий завтрак помогли восстановить силы. Прямо в трусах, замотавшись в плед, я вышел на балкон, свежий утренний морозный воздух вдарил в голову, а кожа покрылась мурашками. Холодно! Взял с собой горячий черный кофе, сигареты и лист бумаги с ручкой.

– Вжих! Вжих! – Дворники метлами сгоняли с улицы опавшие листья.

Листья разочарованно разлетались и падали на асфальт, недовольно шурша. Машин пока мало, и воздух кристально чист. Внизу у беседки, обнявшись, стоит молодая пара. Уже с час наверное, прощаются, а расстаться не могут. Мне бы так... Ладно, все будет, главное с намеченного пути не сбиться.

Итак, что мы имеем? Цель-минимум: добиться уважения и авторитета на работе, охмурить Лидку, подняться как можно выше по карьерной лестнице, заработать много денег. Цель-максимум: сделать мир лучше. А между минимумом и максимумом еще сотни и тысячи мелких целей и задач, призванных привести меня к главной цели.

Много-много целей-кирпичей. Каждый Поступок, каждое Слово – это кирпич. А вот что строить из кирпичей – высокую и прочную крепость для защиты себя и близких или ступеньки лестницы к высокой цели – вот это и предстоит решить. Хочется, ох как хочется, чтобы моя страна, моя Родина жила лучше.

Наверное каждому из нас хотелось бы ликвидировать преступность и коррупцию. Воздать должное врачам и учителям, сделав их зарплату такой, чтобы у них и мыслей не возникало зарабатывать другими способами. Восстановить армию да создать достойные условия жизни пенсионерам. Короче, построить рай на Земле. В общем, нормальная мечта нормального человека. Хотя нет, какая это мечта. К мечте человек стремится, а о том, что я сейчас перечислил, говорят такие как я, рефлекслирующие интеллигенты да работяги за бутылкой водки. Правда, первые говорят об этом трагично, вопрошающе, а вторые – со злостью и недоумением. Факт в том, что ни те, ни те ничего для этого не делают.

Вот только, о каком рае может идти речь, когда у самого куча проблем? И не добиться максимальных целей без достижения маленьких целей.

А потому, рай начнем строить в отдельно взятой квартире. А еще лучше, начну с самого себя.

***

– Люди большое значение придает твоему внешнему облику, голосу, поведению, осанке. Так что Серега, советую сменить эти китайские шмотки на что-то другое. Девушки обращают внимание на такие мелочи, на которые ты уже давно хуй забил. Взгляни на свою обувь – грязная, нечищенная, с комками налипшей грязи.

Лил дождь, под давлением встречного воздуха капли на лобовом стекле текли горизонтально, ровно до тех пор, пока ленивые «дворники» не смахивали их с глаз долой. Мимо проносились зазывные неоновые вывески.

Пьяный Лёха решил подвезти меня от сауны до дома. В дороге он времени не терял, и продолжил разбор полетов.

– Деньги-то есть?

– Ну, найдутся, работаю все-таки.

– Ну во, смени очки на линзы, купи новый прикид. Возьми что-нибудь неброское, но стильное, сам не сможешь – продавцы бутика помогут, подберут под тебя. И это, поработай над осанкой, а то у тебя вид какой-то забитый: согбенные плечи, низко опущенная голова, вечно руки в карманах. Ну-ка, расправь плечи так сильно, как сможешь, чтобы лопатки соединились. Во! Подними голову. Да не, не запрокидывай ее, просто держи ровно. Э-эй! Плечи верни в исходное положение! Во! Так и ходи. И постоянно себя контролируй. Пару дней так походишь, потом так привыкнешь, что для тебя это станет естественным.

Ты пойми простую теорию: успешный человек двигается и ведет себя так, что у него и осанка прямая, и походка уверенная, на роже – лыба во все зубы, и голос властный. Потому что у него – все заебись. Отсюда следствие: если будешь вести себя уверенно, ходить с прямой осанкой, с широкой улыбкой на лице, то твой организм сам начнет выработку гормонов счастья. А счастливому человеку все дается легко. И у тебя тоже все будет заебись! Понял?

– Понял.

– Все, работай. Завтра я по делам улетаю, буду на следующей неделе. Бывай.

Домой я шел с твердым намерением следовать всем указаниям Лёхи.

Спина, не привыкшая к таким нагрузкам, уже болела, но я упрямо продолжал контролировать расправленные плечи и высоко поднятую голову. До выхода из дома на работу оставалось полчаса, когда в дверь долго и требовательно постучали. Вроде бы даже ногами.

На пороге стоял Василий – мой сосед справа. Жил Вася с женой Катериной. У них два несовершеннолетних сына – тезка мой, двенадцатилетний Сережка, и Петька – четырехлетний вечно ноющий карапуз. Вася всегда находился в состоянии холодной войны с супругой. Холодная война довольно часто, когда Вася в очередной раз приходил в хлам бухим, вспыхивала в бурные скандалы, с битьем посуды и ломанием мебели. В такие моменты я включал музыку погромче, чтобы не слышать всей той грязи, которой воинствующие стороны обильно поливали друг друга. Жутким фоном ругани обычно служил хор плачущих Сережки с Петькой.

– Сосед, одолжи стольник до получки.

Ох, Вася, Вася. Несколько раз в месяц сосед стабильно занимал у меня различные суммы денег. Как правило с целью догнаться, или, что случалось чаще, опохмелиться. Деньги он иногда отдавал, иногда нет. На мои жалкие просьбы отдать долг (а такое случалось лишь когда я сидел вообще на мели) Вася чаще всего отвечал, что денег нет, всю получку паскуда Катька забрала.

Паскуда Катька денег мне не давала, мотивируя это тем, что Вася занимал, Вася нехай и отдает. Если же Катерина находилась в особенно плохом настроении, она говорила «Ты, гад, бля, моего мужа спаиваешь, а я еще и денег тебя должна дать? Уйди с глаз моих, а то я за себя не отвечаю!». И самозабвенно трясла пудовыми кулаками. И я уходил, в очередной раз кляня себя за мягкотелость, с твердым желанием больше Васе денег не занимать.

Но Вася приходил снова, клялся и божился, что в последний раз, что деньги отдаст лично, с получки, с заначки, перезаймет, и вообще, отдаст с процентами. С бодуна че не наобещаешь, да? И я снова занимал.

Как-то я сидел на балконе, а внизу у гаражей бухали какие-то мужики. Одним из них был Вася. Когда у мужиков кончилось пойло, они снарядили экспедицию в поисках лавэ на продолжение банкета. Идти вызвался Вася, а составить ему компанию вызвался Кецарик – мелкий плюгавенький мужичок, напоминающий Шарикова из «Собачьего сердца». Как звали

Кецарика, не помнил никто, даже Вася. Но собутыльником он считался душевным, и его часто угощали.

Под моей дверью они остановились, и я услышал громкий шепот.

– Кецарик, иди на пролет вниз, а то этот шпендик испугается, и денег не даст.

– А может он и так не даст?

– Да даст, хуй ли, он всегда дает. Просить надо уметь.

Прошло минут десять (видимо Вася ждал, пока Кецарик скроется из виду), потом Вася позвонил. Я открыл дверь и увидел Васю, напустившего на лицо скорбное выражение. Несмотря на то, что я от и до слышал его разговор с Кецариком, мне стало казаться, что у Васи действительно случилось горе.

– Серега, брат, выручай! У Петьки Полкан под машину попал, надо срочно операцию делать! Иначе все, кранты собачке.

Гордым прозвищем Полкан звали миниатюрную вредную собачку невнятной породы. Полкан этот вечно облаивал меня, норовя цапнуть за ногу, а когда раз в день его отпускали на выгул, он в нетерпении зачастую не дожидался улицы, и опорожнялся прямо на мою дверь.

И я занял. Занял, просто потому что боялся конфликтов, боялся обидеть человека, мне проще и удобнее было дать Васе желаемое, чем просто сказать «нет» и захлопнуть дверь.

И вот все повторяется. Снова скорбь на Васином лице, недельная щетина, слипшиеся мутные глаза, выпяченная нижняя губа и перезрелый перегар. Правая рука согнута, а ладонь повернута вверх – поза просящего милостыню. Васю шатает. В общем, Вася все тот же. Но я-то – уже нет!

– Вася, ты долг принес?

– Ы-м? Какой долг?

– Короче, Василий, ты мне уже должен больше 3 тысяч. Когда отдашь, тогда и поговорим.

Я захлопнул дверь перед охуевшим Васиным лицом. Почти ликуя, но все еще недовольный собой. Все-таки надо было этого синяка на фиг послать. А что? Еще не поздно! Я открыл дверь, Вася все так же стоял, но при виде меня его лицо расплылось в улыбке. Наверное этот идиот решил, что я одумался, и возжелал занять Васе стольник.

– Серега, друг, брат, займи, выручи по-соседски, – заканючил он. – Стольник всего-то!

– Знаешь чё, Вася? А не пошел бы ты на хуй?

– Чего?

– Ага, на хуй. А если твоя вонючая псина, пожирающая собственное

дерьмо, еще раз обоссyt мне дверь – я ее удавлю. А ты тут все на площадке отмоешь. Понял?

Вот теперь можно захлопнуть дверь. Что я и не преминул сделать. Вид шокированной Васиной рожи стал для меня лучшей наградой.

Начинался новый день, впереди много целей, которых надо добиться, и задач, которые надо решить. Я не спал всю ночь, но ощущал такую легкость и бодрость, что все казалось выполнимым. Жизнь перестала для меня быть серой и однообразной, на войне скучно не бывает.

Кирпич четвертый

Я вышел из квартиры, захлопнул дверь. Тихо. Где-то внизу слышится мерный храп. Оп-па! Так я думал – этажом ниже на площадке спит Вася собственной персоной. Из открытого рта натекло уже ведро слюней. Штаны в области паха подозрительно темнеют – никак обмочился Васютка. И вот с этим уебком я не хотел ссориться?

Я осторожно, стараясь не задеть тело, перешагнул Васю, и уже совсем было выкинул его из головы, как он ухватил меня за ногу. Я слегка напрягся. Повернул голову и спросил:

– Чё?

– Серега, Христом Богом прошу, не пьянки ради, а здоровья для! – прохрипел Вася.

– Бог подаст. Ногу отпусти.

Вася обессилено откинулся, но рукой продолжал цепляться за штанину. Я выдернул ногу из цепких лап соседа и побежал вниз.

Вот это уже здорово. Раньше я долго объяснял Васе, почему я не могу занять, докладывал ему о своих покупках и тратах – происшедших и планируемых, а потом все равно занимал. Потому что Вася просто тупо кивал головой, стараясь показать, что да, конечно, Сережа, я тебя понимаю, вхожу в положение, но денег дай. И тупо клянчил, игнорируя все мои объяснения.

А как же все проще на самом деле! Еще тогда в «Кирпичах», когда мы пили пиво с Лёхой, он мне об этом рассказывал, но тогда для меня актуальнее были офисные отношения, и я большего значения этим советам не придавал. «Нет!». Одно слово. Или три – «Нет и точка!».

А еще круче, без восклицательных знаков. Спокойно, твердо и без эмоций. А самое главное – без малейших раздумий и колебаний. Увидят, что вроде бы сомневаешься – все, суши весла. Так что – «Нет». А когда обессиленный заемщик спросит «Ну почему нет?», вариант ответа меняется на «Просто нет». Не надо говорить «Не могу» или «Не хочу». Эти

слова обязательно повлекут за собой вопросы, на которые однозначным «нет» уже не ответишь.

В будущем теперь это уже я буду тупо, даже не пытаюсь придать лицу и голосу выражение сочувствия, говорить «Нет». Я не буду объяснять, почему «нет». Просто «нет» и все. А Вася или Панченко, за месяц работы уже успевший у меня взять в долг, после пары таких отказов обращаться сами перестанут.

И это касается не только тех случаев, когда у меня хотят занять. Это касается всех случаев, когда меня хотят поиметь. Использовать меня. Поуправлять мною. Ага. Теперь хрен вам, мои маленькие любители поюзать Резвея!

***

Так, сегодня пятница, 15 октября. До вечера я на работе, значит покупку новых шмоток придется отложить на завтра. Кое-какие деньги у меня на счету накопились, все-таки живу я один и больших расходов у меня нет.

Жаль что машиной еще не обзавелся. Позволить себе купить какую-нибудь подержанную иномарку я могу, но прав нет, да и ездить не умею. В общем, еще две задачи на этот год: научиться водить машину и получить права.

В метро, как всегда в будние утренние часы, столпотворение. Бегом спустился по эскалатору, двинул в другой конец перрона – оттуда потом ближе будет к выходу. Кое-где на лавочках спали бомжи. Уверен, когда-то в свое время они не смогли чему-то или кому-то сказать «нет».

У перрона поезд ждал в основном средний класс и пролетариат. Кое-где в толпе ожидающих вкраплениями стояли агрессивные бабки. Сонно зевая, переминались с ноги на ногу студенты. Либо на зачет, либо ботаники. Нормальные студенты обычно на первые пары забивают. Или уже не забивают?

Подъехал поезд, раскрылись двери и все ломанулись в вагон. Распикивая всех локтями и наступая всем на ноги, бабки пошли на штурм. Некоторые совсем уж слабые бабки, натыкаясь на широкие спины и плечи рабочего класса отскакивали, как от мячики от стенки. К счастью, в процессе расталкивания бабкам помогали здоровенные сумки с не пойми чем.

Я не успел и глазом моргнуть, как все бабки оказались внутри вагона,

двери захлопнулись, а я и еще пара хилых студентов осталась на перроне. Епрст! Пора позаботиться и о собственном физическом развитии.

***

На вахте сегодня Николаич, Жорик отдыхает. Николаич, в принципе, неплохой мужик, правда всегда угрюмый и молчаливый. На приветствия он обычно бурчал что-то в ответ, а когда с ним здоровался я, он вообще не считал меня достойным ответа и гордо молчал. Оживал он лишь при виде генерального, вскакивал с места и громко, с показным уважением здоровался.

– Здравствуйте, Игорь Николаевич, – поздоровался я с ним. – Как жизнь?

Николаич кивнул, показывая что жизнь мол в порядке, не мне Резвею ему такие вопросы задавать. Ёлы-палы! Синдром вахтера в действии. Власть у человека настолько маленькая, вернее узкоспециализированная, власть пропустить или не пропустить, что показать ее надо так, чтобы всем стало ясно, кто тут главный. И понты, соответственно, как у обкурившейся макаки.

И вот сидит это чудо в перьях, в сорок лет не нашедшее достаточно мозгов или сил устроиться на другую работу, и строит из себя пуп земли. Он даже не смотрит на меня.

– Николаич, да вы онемели никак? – с почти искренним удивлением спросил я. – То-то я думаю, что-то наш Николаич в последнее время не такой как всегда. На входящих внимания не обращает, не говорит ни с кем, мычит только. Да тебе, дед, лечиться надо – тишина, покой. А генеральный знает, что болеешь ты? Больным не место в нашей компании! Сегодня же поставлю шефа в известность!

Николаич ошеломленно посмотрел на меня. Вид у него такой, словно он только что лично узрел превращение хомячка в медведя. Ответа дожидаться я не стал, и сразу пошел к Степанычу. Вчерашнее недоразумение надо устранить.

***

– Понятно, Сергей, – сказал Степаныч, потом нажал какую-то кнопку на телефонном аппарате. – Фрайбергер, ко мне, срочно.

Вчера я по-джентльменски выручил симпатичную мне девчонку, потерял по этой глупости квартальный бонус. Хорошие деньги, между прочим. Мой поступок не оценили и восприняли как слабость. Более того, восприняли как призыв не стесняться и иметь Резвея всем и чаще.

Пришлось исправляться. Я спокойно и уверенно рассказал Степанычу истинную причину задержки проекта, что, как ни странно, его не удивило. Умудренный опытом мужик. Интересно, сколько таких человек сидело у него в кабинете и без зазрения совести подло сливали компромат на своих коллег? Ну, в моем случае это не подлость, а восстановление справедливости.

В дверь коротко постучали, потом дверь открылась, и на пороге появилась серьезная Лидка. Юбка едва прикрывает роскошные бедра. Высокая грудь мерно колышется, светлые волосы собраны. Красивая, че уж там спорить. Степаныч, похоже, был такого же мнения, и с жадностью рассматривал Лидку.

Улыбка сползла с ее прелестного личика, а брови удивленно вскинулись вверх, когда Лидка увидела меня.

– Михаил Степанович, вызывали? – севшим голосом спросила Фрайбергер.

– Да, Лидия, садись. – сухо сказал Степаныч. – Ты не хочешь внести кое-какие изменения в версию о причинах задержки проекта?

Лидка кинула на меня быстрый досадливый взгляд, и села как прилежная ученица – ноги вместе, руки на коленях. Лишь впившиеся в ладони ногти выдавали ее волнение.

– Хочу. – вздохнула Лида. – Выполнение проекта задержано по моей вине. Резвей свою часть работы выполнил вовремя.

– Тогда будет справедливым снять штрафные санкции с Сергея и лишить бонуса тебя?

– Да, это будет справедливо.

– Хорошо. Заканчивайте проект.

Степаныч откинулся в кресле, показывая, что разговор окончен. Когда мы подходили к двери, сзади раздался голос Степаныча:

– А вы хорошо смотрите вместе, ребята.

Лидка фыркнула, а я, обернувшись увидел на лице замдиректора лукавую улыбку. По пути я попытался утешить Лидку:

– Да ладно, Лид, купишь себе на пару губных помад меньше, делов-то!

Лидка остановилась, потемневшими изумрудными глазами посмотрела на меня и сказала:

– Да па-ашо-ол ты-ы!

И побежала. Смешное это зрелище, девчонки вообще хреново бегают, а уж на каблуках...

***

В пятницу работать никому не хотелось. В моем отделе царило оживление – впереди насыщенный пятничный вечер и два выходных дня. По традиции, в пятничный вечер пьянствовать начинали в офисе. Раньше я в таких пьянках участвовал всего раз пять, потому что приглашали меня, когда денег не хватало. Я не отказывался и оставался, предпочитая дружеской беседе молча пить водку.

День прошел почти спокойно.

Правда, у Панченко заметно испортилась координация движений. Проще говоря, он с завидной стабильностью падал. Вроде идет себе человек, и вдруг на ровном месте спотыкается. Падая, он каждый раз извинялся.

Причина его падений объяснялась просто – он умудрялся наткаться на неожиданно выставленные ноги коллег. Со стороны выглядело все довольно мирно – идет Панченко мимо Гараяна. Гараян сосредоточенно глядит в монитор, раздевая в стрип-покере красивых дэушэк. Потом Гараян зеваает, потягивается, его вытянутые ноги неожиданно оказываются перед Панченко. Панченко падает. Никто не смеется, все сочувственно интересуются, не больно ли ушибся Костик, как же его угораздило в пятый раз да на том же месте, и, вообще, не пора ли Костику менять работу, раз на него так плохо атмосферные изменения влияют?

Панченко кричал, отряхивался и сообщал, что с ним все в порядке, а атмосферные изменения ему вообще побоку. И вообще, он, Панченко, не улавливает связи между атмосферными изменениями и работой.

Это продолжалось до тех пор, пока Костик, неся бокал с кофе, не кувыркнулся в очередной раз, расплескав все на Бородаенко. Саня взревел, как раненый слон, и начал материться. Костя Панченко узнал много новых слов. А потом пошел застирывать рубашку Бородаенко.

Когда же он вернулся, то скринсейвером у него служила фотография здорового негритянского мужского достоинства. А еще кто-то поставил пароль на его компьютер.

Учитывая, что вчера Лидка напрочь зарезала Костино маркетинговое исследование, доходчиво объяснив, что первоклашки сделали бы лучше, чем он, Панченко впал в депрессию и отчаяние. Потому что на переработку

отчета сроку у него – до вечера.

– Ребята, скажите пароль! – жалобно просил он.

– Слушай, не компостируй тут всем мозги, дался нам твой компьютер? Забыл небось свой пароль, а теперь ищет причину, чтобы не работать, – презрительно сказал Саня.

– Да, Костя, помолчи, работать не даешь, с мысли сбиваешь, – сказал Гараян, сосредоточенно жуя бутерброд.

Зараза-Лидка делала большие глаза и показывала Панченко два жеста: стучала указательным пальцем по своим часам, потом проводила оттопыренным большим пальцем по горлу.

Остаток дня Костя передвигался как слепой сапер на минном поле темной ночью. Ходил он осторожно, смотрел в пол и широко расставлял руки, как бы ограждая себя от нечистой силы. Потом он ушел к дизайнерам, которые милостиво выделили ему один компьютер.

А вечером Панченко, тихо ликуя, принес отчет и привел с собой трех девчонок с дизайнерского.

– Ребята, девчонки с нами хотят пива попить! – радостно сказал он. – Вы не против?

– Мы? – уточнил Макс Кравцов, наш иллюстратор. – Нет, Костик, мы только за. Особенно учитывая то, что сегодня ты всех угощаешь. Вы как, ребята?

– Да, Панченко, раскошеливайся! Сам с первой зарплаты обещал! – напомнил я.

– Не жмись, салага, – покровительственно вещал Бородаенко. – Мы жадных не любим.

– Да, Костя, жадным быть плохо, – подтвердил Левон Гараян, – организм слабеет, зрение портится, координация движений нарушается.

Костя помялся, но терять лицо перед девушками ему не хотелось. Тем более, все сказано однозначно и предельно ясно.

– Да я че, я не отказываюсь. – промямлил Панченко. – Что брать-то?

Оживившись, народ начал перечислять необходимое для скромной офисной пьянки, а Костя, высунув язык, записывал.

Я же думал, что за эти два дня вроде бы нифига не изменилось, но почему с совсем другим настроением и надеждами я отношусь к предстоящей вечеринке?

Да потому, что хоть построенная кирпичная стенка совсем невысокая, но даже с этим можно смело смотреть в будущее.

Часть 2

Кирпич пятый

За выходные успел полностью сменить одежду. Купил хорошие часы вместо старых. Насчет часов даже не задумывался, брать или нет, китайские электронные часы совсем не смотрятся с костюмом за девять сотен долларов.

В каком-то безумно дорогом салоне коротко постригся, в парфюмерном бутике купил модную туалетную воду. На этом мои фантазии по поводу смены облика исчерпались.

Последние дни дали много пищи для размышлений. Но размышлять, анализировать и планировать желания не было, так что я просто набрал в видеопрокате кассет и провел остаток выходных у телевизора. Угрызения совести по поводу того, что я ничего не делаю, гасились твердым желанием начать с понедельника новую жизнь.

Новая жизнь подразумевала ранний подъём, бег и контрастный душ по утрам, тренажерный зал и бассейн, автошколу и курсы английского языка. В отношениях с окружающими – четкая установка на «не дать себя в обиду», при этом подчеркнутая вежливость и доброжелательность. С последним-то проблем не будет, это уже в крови, а вот не давать себя в обиду, над этим еще работать и работать.

В воскресенье вечером собрал старые шмотки, закинул их в мешок и понес на мусорку.

На выходе критически оглядел свою обшарпанную входную дверь, мимолетно отметил, что давно пора сделать дома ремонт, а то даже привести кого-то к себе стыдно.

В подъезде нашем грязно. Исписанные стены, потолок в черных пятнах с уродливо загнутыми прилипшими обгоревшими спичками, в углу стыдливо темнеет какая-то лужа. Пахнет мочой. Жильцы перестали следить за чистотой и порядком после неудавшейся акции с заменой подъездной двери на металлическую с кодовым замком.

Местные хулиганы успешно замок поломали, а на самой двери написали потрясающую глубоко вложенным смыслом фразу «Хуй вам!». Это значило, ставьте замки – не ставьте, убирайтесь в подъезде – не убирайтесь, все равно будет по-нашему.

Мысль успешно воплощал в жизнь спавший на нижней площадке бомж. В прошлой жизни этот уважаемый человек точно был человеком интеллигентным: лег он так, чтобы никому не загораживать проход, а под

головой у него синела обложка томика Булгакова.

Спускаясь, встретил Васю. Он сделал вид, что не заметил меня, и попытался прошмыгнуть мимо.

– Василий, тебя здороваться не учили?

– Ну, здорово, сосед, – недружелюбно ответил Вася. – Куда направляешься?

– Мусор выкидывать, – сказал я, приоткрыв мешок.

– Сосед, ты что, совсем? – удивленно спросил Вася, заглянув внутрь. – Вещи то новые совсем, а ты выкидывать.

– А че с ними делать? Я их носить не буду.

– Ну, мне отдай!

– Забирай, – с радостью согласился я.

До мусорки далековато, а предложение Васи упростило задачу и сэкономило время.

– С обновкой что ли, сосед? – не удержался я.

Вася как-то косо посмотрел на меня, хотел что-то ответить, но сдержался. Взвалил мешок на плечи, сухо попрощался и пошел к себе.

***

В шесть утра я проснулся от неприятного попискивания будильника. Вставать не хотелось. Кругом – темень, а в комнате – жестокий колотун. Отопления пока не дали.

Поеживаясь от холода, я сел.

В голову пришла спасительная мысль, что можно поспать еще полчаса, полутора часов на все хватит. В темноте нашарил будильник, с ненавистью выключил, перезавел его на полчаса вперед и снова включил. Потом со спокойной душой отрубился.

В полседьмого вновь в мой сон ворвался писк. На этот раз я уже решил было вставать, но тут услышал, что за окном льет дождь. «Ё-моё, да кто же в дождь бегает-то?», – подумал я, и ни капли не сомневаясь в верности решения, вновь перевел будильник на семь часов. «Ограничусь на сегодня душем», – подумал я.

К моему удивлению, в семь утра будильник не зазвонил. Он вообще не включился, потому что я его выключил в предыдущее просыпание. А проснулся я от стука за окном. Какая-то ворона упорно долбила мой карниз.

– Червей там нет, – лениво сказал я вороне и офигел.

На часах без пятнадцати девять. О, нет! На девять утра назначена планерка с генеральным во главе. Очень быстро вскочил, наспех почистил зубы и умылся, оделся в новый костюм и бегом на улицу. Так торопился, что даже забыл про новый парфюм. И лишь на улице вспомнил, что оставил дома папку с документами.

Пришлось вернуться. Пользуясь случаем, опрыскал себя туалетной водой и вновь, перескакивая через ступеньки, помчался вниз.

На улице я на секунду задумался, как добираться, на метро или на такси. Такси – это пробки, но гарантия того, что доеду я чистым и не мятым. Метро – быстрее, но ко всему это еще и давки, так что на работу могу явиться абсолютно непрезентабельным. Еще раз пожалел об отсутствии своей машины. И выбрал такси.

***

Таксист, усатый седой бывалый мужичок в лужковской кепке, ехал как образцовый водитель. Мечта и недостижимая цель преподавателей автошколы. Правила не нарушал, ехал не торопясь, бубнил себе под нос какие-то свои водительские байки. Лишь однажды встрепенулся, когда какой-то нахальный пацан на бэхе лихо нас подрезал.

– Что за времена настали, а? – сказал он, показывая глазами на лихача. – Никакого уважения, ни к своей жизни, ни к чужой.

– Да, – поддержал я его, – куда только гаишники смотрят?

– Да что те гаишники... Тьфу! – выразительно сплюнул таксист. – Им же наоборот на пользу такие горе-водители. Оштрафуют, да и отпустят с Богом! Хорошо, если оштрафуют...

– Вряд ли оштрафуют, – заметил я.

– А то. По-своему оштрафуют, по своему разумению, так сказать. Вон какие хари отъели, – кивнул он в сторону гибддшников. – Идет такой, пузо еле волочет.

– Ну, кушать, батя, всем хочется. Вот и крутится каждый как может. Эти могут так.

– Вон значит как ты считаешь... А я вот, милок, могу сейчас дать тебе монтировкой по башке и, значит, ограбить.

Я напрягся.

– Тоже кушать хочется, понимаешь? – продолжил таксист. – Да расслабься, ишь как вспотел сразу. Это я к примеру, так сказать.

– Пример некорректный, – облегченно сказал я.

– Это чем же некорректный-то пример? А? Они, гаишники твои, закон нарушают? Нарушают. Преступают, так сказать, закон-то. И я, вот если дам тебе по башке, да деньги отберу, тоже считай, нарушаю закон. Получается и я преступник, и они преступники. Только я предполагаю, а они, так сказать, претворяют в жизнь.

– В целом, логика верная, – сказал я, – но ведь гаишники никого не убивают.

– Ну, так и я не убиваю. Я же тебе монтировку покажу, ты мне сам деньги и отдашь. Да не волнуйся, – сказал он, кинув на меня взгляд. – Это ж я так, опять же ради примера.

– А если не отдам я сам? – возмутился я.

– А чего ж не отдашь-то, милоч? Отдашь как миленький! Парень ты не боевой, это сразу в глаза бросается. Да и я не дурак, чтобы цеплять к тем, кто ответить может. Зачем мне проблемы лишние?

Минут пять ехали молча. Потом таксист прокашлялся, закурил папироску, затянулся и продолжил:

– А насчет того, что инспектора дорожные не убивают никого... Это, милоч, еще как посмотреть. Сами-то они, руками своими, так сказать, может и не убивают никого. Но то, что своими действиями потакают нарушителям правил, это, значит, так, факт.

– Это как?

– Уж поверь мне, милоч, если правила нарушаются, то и аварии случаются. Сядет пьяный за руль, едет как умалишенный, на красный ли, на зеленый ли – ему фиолетово. Либо собьет кого, либо сам убьется, это как пить дать. А знал бы он, что за езду такую лихаческую права у него отберут – разве сел бы он пьяным за руль? И уж тем более, не гонял бы так, как это пацан на БМВ.

Остаток пути таксист молчал. Видимо, молчун по природе, он наговорился со мной на день вперед. Следующие пассажиры будут ехать в тишине.

***

На работу я опоздал почти на час. Как назло, на вахте сегодня сидит Жорик.

– Здорово!

– Здорово, Резвей. Опаздываем? – взглянув на часы, спросил Жора. – Так и запишем.

– Пиши-пиши. Планерка началась?

– А то! Уже час как началась, – нехорошо улыбнулся Жора. – Да ты не волнуйся, ты же у нас нынче борзый, тебе все с рук сойдет.

Преписать времени нет. Бегом поднялся к себе, снял пальто, схватил папку с планами и отчетами, перекрестился и рванул к генеральному.

В приемной сидела Маргаритка, секретарша шефа. Милая девушка, которая, наверное, единственная в офисе относилась ко мне по-человечески.

– Ой, Сережа, что же ты так опаздываешь? – защebetала Ритка. – Шеф сказал тебе домой звонить, я звоню – никто не берет. Звоню на сотовый, а тут ты сам объявляешься.

– Пробки, Ритуля, пробки, – успокаивая дыхание, ответил я. – Все там?

– Все! Без тебя начали.

Подошел к двери, отдышался, поправил галстук, и постучавшись, вошел.

– Здравствуйте, Станислав Евгеньевич! Прошу прощения за задержку.

– Сергей, здравствуй, – сухо сказал шеф.

Наш шеф, генеральный директор и учредитель фирмы, Станислав Евгеньевич Кацюба, на директора абсолютно не похож. Тем более, на директора рекламного агентства. Кацюба похож на борца, на штангиста, на братка, но не на директора рекламного агентства. Впечатление усиливали лысая бугристая голова и густые заросли бровей.

Он и был когда-то штангистом, наш Стас, как мы его за глаза называли. Штангистом успешным, победителем союзных чемпионатов. Но пришли новые времена, и Стас решил попробовать себя в бизнесе, что в принципе не удивительно. В девяностые многие пришли в бизнес. Не все смогли выжить, не все смогли пробиться. Стас смог.

Шеф обладает живым умом, рассудительностью, любовью ко всему новому. Выделенка у нас появилась одной из первых в городе, а сотовые телефоны были выданы сотрудникам, когда цены на них достигали заоблачных высот. Стас никогда не жалел денег на семинары, на наше обучение, на новейшую технику. Да и вообще, к нам шеф относился как к партнерам по команде, а не как к наемным сотрудникам.

Так что я удивился, когда он сказал:

– Сергей, думаю нужды в твоём присутствии на сегодня нет. По вашим проектам уже отчиталась Лидия Романовна. Ты можешь идти.

Фрайбергер победно улыбалась. Во рту у меня пересохло, но я нашел в себе силы попрощаться. Ни на кого не глядя, вышел из кабинета.

Понедельник, конечно, день тяжелый, но жизнь я сам себе осложнил,

это факт.

Кирпич шестой

После того, как меня с позором попросили уйти с планерки, я с тяжелым камнем на сердце подходил к нашему кабинету. Ватные ноги, пересохшее горло, руки дрожат. Перед дверью выронил папку, и из нее посыпались отчеты и графики. Когда я аккуратно, стараясь не помять страницы, собирал все обратно в папку, услышал за дверью оживленный разговор. Обо мне.

Первая мысль – как ни в чем не бывало, войти в кабинет. Ведь подслушивать нехорошо. Нехорошо так же, как и читать чужие письма. Подло. Но потом стало любопытно. Никогда не помешает узнать истинное отношение окружающих к тебе. А потому, я очень тихо подкрался на корточках к двери и стал слушать. Пару выпавших страниц оставил на полу, на случай, если кто-то увидит меня в таком положении, будет возможность объяснить свое положение. За дверью слышался голос Панченко:

– ... обнаглел он совсем! Заметили, как он разговаривает теперь? А ходит? Ходит, словно кол проглотил.

– Костя, ну зачем ты так, – перебил Панченко мягкий вкрадчивый голос Гараяна. – Все люди меняются, и Сергей не исключение.

– Да он же чмо, Левон, – поддержал Костю Саня Бородаенко. – Чмо, оно и в Африке чмо. Ты видел, как он оделся сегодня? Ну, когда перед планеркой забегал? Вырядился, как на свадьбу, лопух.

Я слушал, и чувствовал, как лицо заливают краской. Сердце сильно колотилось, и я боялся, что его стук услышат за дверью. Я старался успокоить дыхание, но ничего не получалось.

– Точно, Александр Витальевич! Еще и одеколоном набрызгался, несет он него как от парфюмерной фабрики, – с нескрываемой ненавистью в голосе сказал Панченко. – Он что, думает нарядился как клоун, духами побрызгался и крутой стал? Лох он, и относиться к нему надо как к лоху.

– Да может просто влюбился парень, – предположил Гараян. – Вспомни себя, Саша, когда ты за Маргаритой ухаживал. Я тебя тогда еще первый раз побритым увидел.

– Кстати, Саня, – встрепенулся Панченко, – так ты переспал с ней?

– Конечно, стажер. А хули ты думал? Что я как Резвей буду годами вокруг Лидки виться? Цветы, ресторан, пару раз переспал и ну ее нах, надоела она мне.

– Подонок ты, Саша, – радостно сказал Панченко.
– Да, стажер, я – такой! – удовлетворенно подтвердил Саня.
И все трое заржали.

– Помню как-то бухали мы... Где-то полгода назад, помните? Тебя, Панченко, тогда еще не было у нас, можешь не тужиться, не вспоминать. Ну, Резвей еще тогда был с нами, Левон, ты то должен помнить. Потом он упился в хлам, ползал вокруг Фрайбергер на коленях и шептал «Я люблю тебя, Лида!».

Радостный гогот ударил по ушам. Я помнил ту историю смутно, уже почти забыл, поскольку действительно выпил тогда сверхмеры.

– А Лидка че? – спросил Панченко.

– Лидка? Лидка сказала ему что-то типа, повторишь это, Резвей, когда будешь трезвей. Резвей стал рубаху на груди рвать, копытом бить, что типа трезвый он, как стеклышко, а потом проблевался, лошара, прямо ей под ноги... Короче, лох – это судьба... Ха-ха!

Я и не заметил, как сзади подошла вернувшаяся с планерки Лидка.

– Резвей, ты что тут делаешь?

– Я? – севшим голосом пробормотал я. – Ничего. Отдыхаю.

Я и забыл про выдуманную версию о подборании выпавших отчетов. Лидка насмешливо посмотрела на меня и сказала:

– Ну, отдыхай, отдыхай. Пройти дай только.

– Проходи, – прошептал я, собрал выпавшие страницы и ничего не видя, двинулся по направлению к туалету.

Еле передвигая ноги, шел, шаркая как старик. Передвигался медленно. Из кабинета донесся строгий голос Лиды.

– Над чем веселитесь так, ребята? – строго спросила она. – Работы нет, что ли?

– Да, поведение Резвея в последнее время обсуждаем, Лидия Романовна! – сказал Панченко. – Кстати, а где он?

– Сидит под дверью, отдыхает, как он мне сам сказал. Судя по всему, заодно греет уши...

***

К счастью в туалете пусто. Дрожащими руками закурил сигарету, открыл окно.

«Я – чмо и лох, лох и чмо», – думал я. В голове звучала песня «Лох – это судьба».

Каких-то три дня назад я стоял здесь же, так же курил, но мысли были гораздо радужнее. Тогда мне казалось, что все будет просто. Изменить линию поведения, имидж и все сразу станет хорошо. Как в сказке. Хрен там.

Из всего подслушанного разговора коллег о себе я не узнал ничего нового. Кроме одной вещи. О том, что Лидка просила повторить признание в любви, когда я буду трезвым.

Я честно забыл это. Или не услышал ее слова, потрясенный фактом своего признания в любви. В памяти отложилось лишь признание и то, как меня внезапно стошнило Лидке под ноги. Полгода прошло, человеческая память, заботясь о душевном равновесии, потихоньку стирает все неприятное, что было в прошлом. Хорошо, что для Бородаенко это не неприятное воспоминание, а веселый эпизод из офисной жизни. Хорошо, что он мне его напомнил...

Ё-мое, да о чем я думаю? Стою на грани увольнения, отношения с коллективом безнадежно испорчены, все окружающие считают меня лохом и держат за чмо. Тут не о Лидке надо думать.

Я-то, дурачок, поверил в себя. Раньше меня принимали за тихого, безотказного, приятного парня. Да, раньше на мне ездили. Использовали. Но относились хорошо. А сейчас? Сейчас все думают, что у меня произошло помутнение рассудка. Что я оборзел. Что я съехал с катушек и позволяю себе вещи, недопустимые для обычного лоха.

К деревенским дурачкам относятся хорошо ровно до тех пор, пока они окончательно не свихнутся. Я и был таким местным дурачком. От смены одежды и поведения я для них дурачком быть не перестал. Но стал дурачком агрессивным, странным. Оставаясь при этом таким же лохом.

А значит, для меня остается два варианта. Либо сдаться, извиниться перед Панченко, Николаичем, Жориком и соседом Васей, и стать прежним Резвеем. Либо уволиться и начать все заново на новой работе. С чистого листа.

Становится прежним не хотелось. Да и вряд ли я смогу вернуться к прежнему. Значит остается одно, уволиться по собственному желанию, пока не уволили за нарушение трудовой дисциплины.

Выйдя из туалета, я направился напрямик к Кацюбе.

***

– Выпиваешь в рабочее время, разлагаешь коллектив, плохо влияешь

на атмосферу в офисе... Игорь Николаевич на тебя жаловался, говорил что ты грозился уволить его. Георгий Иванович рассказал, как ты его грубо обложил матом. Костя Панченко сообщил, что ты ему непристойную картинку на скринсейвер поставил, да запаролил компьютер. Сегодня на планерку опоздал. Я тебя не узнаю, Сергей.

Кацюба перечислял мои грехи, а я думал, что стучит, оказывается, не только Панченко. Стучат все. Это я, воспитанный в духе героев Жюль Верна и Фенимора Купера, считаю ниже собственного достоинства «сдавать» товарищей. А товарищи-то, никакие не товарищи. И скринсейвер менял Панченке не я, а Бородаенко.

– В общем, я хочу, чтобы ты хорошо подумал над собственным поведением. Штрафных санкций пока применять не будем, но если и дальше все будет продолжаться в таком духе...

– Станислав Евгеньевич, – перебил я его, – я увольняюсь.

Стас как будто окаменел. Обычно, когда он говорит, он раскачивается как Лобановский, взад-вперед. Сейчас он раскачиваться перестал. Я не без удовольствия наблюдал, как в его лысой бугристой голове ворочаются мозги, пытаюсь осмыслить сказанное мною.

Логику Стаса понять можно. Работает уже не один год хороший сотрудник. Очень хорошо зарабатывает, на условия труда не жалуется. Не без перспектив. Критику в свой адрес воспринимает спокойно. И вдруг заявляет об увольнении.

Наконец, мозги Стаса успокоились. Стас вновь начал раскачиваться и спросил:

– А позволь поинтересоваться, почему?

– Зовут в другое агентство. На ту же должность, но с большим окладом, – не задумываясь, сказал я первое пришедшее в голову.

– Куда конкретно тебя зовут, спрашивать не буду. И уговаривать остаться не буду. Парень ты серьезный, раз решил, значит решил твердо. Но об одном все же попрошу. Сергей, подумай до завтра. Хорошо подумай. Золотых гор обещать не буду, но твое повышение в должности в ближайшее время я планировал. Подумай. От добра добра не ищут.

Теперь пришла моя очередь удивиться. Но удивлялся я, не показывая этого, а Стасу сказал:

– Хорошо, Станислав Евгеньевич, я подумаю. Всего доброго.

– До свиданья, Сергей. И это... Уверенности в себе побольше.

– Постараюсь, – я встал и вышел в приемную

Посетителей в приемной нет, Ритка сидит одна.

– Хорошо выглядишь, Рит.

– Спасибо, Сережа, – Рита удивленно вскинула на меня синие-синие глаза. – Слушай, а я тебя и не узнала сперва! Ты такой... такой... другой! Ты тоже хорошо выглядишь!

– Спасибо, – смутился я.

Я не импульсивен, но в этой ситуации, после неудачного утра, когда мое самомнение опустилось далеко за пределы той самой линии плинтуса, мне очень захотелось проверить себя. А заодно, отношение Риты ко мне.

– Рит, ты что сегодня вечером делаешь? – деланно бодрым голосом спросил я.

– Я? – деловито спросила она. – Я не знаю пока. А что, есть предложения?

– А давай сходим куда-нибудь? В ресторан может или в кино? Куда ты хочешь?

– Мне все равно, честно, давай в кино.

– Ну, до вечера тогда. – Я не удержался и расплылся в улыбке.

– До вечера, – улыбнулась она. – Только я не могу уйти, пока шеф тут. Так что вечером созвонимся.

И вновь погрузилась в какие-то бумаги. А я вспомнил рассказ Бородаенко, и моя радость что-то быстро улетучилась.

***

Когда я зашел в отдел, Гараян поглощал бутерброды. Панченко, наверное, опять убивал время у девчонок-дизайнеров, его рабочее место пустовало. Бородаенко сидел в наушниках и судя по тупому застывшему взгляду и вздрагиваниям, играл в «Doom 3». Лидка посмотрела на меня, покачала головой и вновь уткнулась в монитор.

Остаток дня прошел спокойно. Панченко избегал встречаться со мной взглядом, да и я не пылал желанием общаться с ним. С обыденной рабочей суетой совсем забыл о вечернем свидании с Ритой.

Ближе к вечеру позвонил Лёха.

– Здорово, старик. Как ты? Все нормально?

– Привет, Лёха. Ты откуда?

– Да я сегодня только прилетел. Устал как собака. Че вечером делаешь? Может по пиву?

– Легко.

– Легко, – передразнил меня Лёха. – А че голос такой кислый?

– Нормальный голос.

– Не, меня не проведешь. Ладно, не кисни там, вечером поговорим. До связи.

– До связи.

Отключился, а потом вспомнил о Ритке. Ёпрст! Ладно, что-нибудь придумаем. Главное, дожить до конца это рабочего дня. А там будет проще, эмоции утихнут, да и Лёха что-нибудь подскажет. А подскажет ли? Зачем ему это надо вообще?

Выстроенную кирпичную стенку снесло ураганом враждебности коллег. Уверенность в себе, в собственной правоте – все рухнуло от одного подслушанного разговора. Старые ошибки висели мертвым грузом и не давали идти вперед.

А ведь еще предстояло решить вопрос с увольнением. Вечер обещал быть насыщенным.

Кирпич седьмой

После работы заехал в «Оптику» за контактными линзами. Строгий консультант магазина Лиза – милая девушка в очках, которые ее несколько не портили – долго и терпеливо разъясняла мне особенности различных видов линз. Наконец я остановил выбор на самых дорогих, сверхкислородопроницаемых, с антибактериальным покрытием. Самые дорогие линзы обошлись мне дешевле очков, которые из-за досадных случайностей я менял раз в полгода.

И только дома вспомнил про встречу с Ритой. Блин, что делать? Очень хотелось встретиться с Лёхой, рассказать ему обо всём, что произошло, посоветоваться, что делать дальше, стоит ли увольняться.

С Ритой встретиться хотелось не меньше. Я никогда не думал, что у меня хватит смелости пригласить Ритку на свидание. Тем более, боялся даже предположить, согласится ли она. Еще бы, представьте себе классическую секретаршу наших времен: Маргарита Егорова, двадцать четыре года, ноги от ушей, белозубая улыбка, стройная фигура. Добавьте симпатичное личико с синими глазами, строгий костюм с короткой юбкой под цвет глаз, приятный поставленный голос. И ко всему этому великолепию – собранные длинные каштановые волосы.

Старый, думающий стереотипами Резвей, представлял себе Риту не иначе как недоступную для него любовницу шефа. Шефа, и никого больше. Самоуверенный Бородаенко так не считал и своего добился. А хочу ли я того же, чего и Бородаенко? У меня лет пять нет постоянной девушки, да и была то постоянной за всю жизнь всего одна. Мы жили вместе два года, пока я не понял, что любовь давно прошла, а чем жить с такой девушкой, лучше уж вообще жить одному.

Пять лет одиночества – это долгий срок даже для меня. Кто знает, может свидание с Риткой – это не просто схема Бородаенко «цветы-ресторан-постель-прощай». По крайней мере она мне нравится.

В общем, я решил отменить встречу с Лёхой. Но сначала надо позвонить Ритке.

– Рита, привет! Это Сергей Резвей.

– А, привет! – радостно защебетала Ритка. – Я как раз только домой зашла. Ну что, у нас на сегодня все в силе?

– Да, в кино идем. «Чужой против Хищника» сегодня в «Кристалл Паласе». Полдесятого. Фантастику любишь?

– Я, нет, не очень, – сказала Рита. – Но мне все равно, в кино сто лет не ходила. Заедешь за мной? Или в Гостинке встретимся?

Я чертыхнулся про себя. Все, завтра в автошколу!

– Блин, у меня машины нет, Рит. Но могу на такси заехать.

– Да не парься, давай в девять встретимся в Гостинке. Все, я побежала марафет наводить. До встречи.

– До встречи.

Блин. Тачка нужна по-любому.

Набрал номер Лёхи.

– О, здорова, – от него так и веяло бодростью и радостью к жизни, даже по телефону. – Освободился? Я сейчас тоже освобожусь, одна встреча осталась...

– Лёх, я не смогу сегодня, – перебил я его, – я девчонке одной пообещал в кино сходить. Ритой зовут.

– Кино? Кино – это здорово. Куда и на какой фильм?

– В «Кристалл Палас», на «Чужой против Хищника», на полдесятого, – машинально сказал я, немного ошеломленный тем, что Лёха тоже собрался с нами в кино.

– Чужой? Хищник? Это же разные фильмы вроде... – Лёха задумался. – Вроде неплохие фильмы были, может и этот ничего так будет.

– Да, наверное, – скучным голосом предположил я.

– Эй! Да ты не думай, я отдельно от вас пойду. Что думаешь, мне и в кино сходить не с кем? А насчет пивка... У тебя насчет Риты на ночь какие-то планы есть? Или все серьезнее?

– Планы? Это как попрет, я пока не думал.

В трубке раздался радостный гогот Лёхи.

– Блин, Серега, тебе еще учиться и учиться жизни. Не думал он! Чему учиться? Расскажу при встрече. А я вот к чему, если тебе именно сегодня переспать с Ритой... Ритой? Погодь, а что с заразой Лидкой? Почему ты не с Лидой в кино идешь?

– Эээ... Я тебе тоже при встрече расскажу, – промычал я, надеясь к встрече с Лёхой придумать что-нибудь правдоподобное.

– Ладно. Так вот, если тебе именно сегодня с Ритой хочется переспать, то вопросов нет, встретимся в другой раз. Если же это не горит, и переспать тебе пофигу с кем, то предлагаю классический вариант: пиво-сауна-девчонки.

– А кино?

– Все продумано! Смотри, я тебе звоню после кино, мы имитируем деловой разговор, потом ты строишь расстроенное озабоченное лицо и

говоришь ей: «Риточка, милая, извини, очень важная встреча» и в таком духе. Ну, не глупый, сообразишь. Донельзя заинтригованная Рита едет восвояси, а мы едем пить пиво. Идет?

– Идет.

На этом мы распрощались, довольные друг другом. А я, быстро перекусив, начал собираться.

***

Ритка опоздала всего на пять минут. Чудо-девчонка. Едет по эскалатору, смотрит на меня, улыбка до ушей. Я ее даже не узнал поначалу, привык к ее офисному виду, а тут – джинсы, легкая куртка, волосы распущены. Ступенькой ниже стоят какие-то кавказцы в кожаных куртках. Один из них тронул ее за плечо, что-то спросил. Слов не слышно, зато видно как Ритка отрицающее качает головой. Кавказец явно расстроен.

Поднявшись, Рита внимательно изучила мое лицо, силясь понять, что же изменилось. Потом поняла – очков нет! – и улыбнулась. О своем открытии не сказала ни слова. Тактичная девушка, чего уж тут.

– Привет! Идем?

– Идем.

Она взяла меня под руку и мы вышли на вечерний Невский. Звучит банально, но на Невском вечером всегда красиво. Романтика. Неспешным шагом дошли до места назначения.

В кинотеатре народу немного, понедельник все-таки. Я купил билеты. До сеанса еще минут десять, можно успеть купить пива.

– Попкорн, колу, пиво?

– Ненавижу попкорн, – брезгливо сказала Ритка. – Пиво!

Взяли пива и прошли в зал. Места попались хорошие, не далеко, не близко, прямо по центру. А когда погас свет, я обнял Риту. Она доверчиво прильнула, и мне стало совсем хорошо.

***

Фильм поразил предсказуемостью. «Кто бы ни победил – человечество проиграет...», – гласила афиша. Никто не победил. Все умерли, включая и главного Чужого, и всех Хищников. Из людей осталась одна альпинистка-негритянка. Чем угрожает человечеству выжившая негритянка, я так не

понял. Пиарщики в очередной раз лажанулись.

– Как тебе фильм? – спросил я у Риты.

– Нормально. Стандартная голливудская поделка, – улыбнулась Рита.

Мы стояли у входа и курили. Обычно пасмурное небо в этот раз скалилось яркими звездами.

– Мне холодно, – жалобно сказала Ритка.

Я приблизился к ней, обнял и спросил:

– А сейчас?

– Теперь тепло..., – сказала она, обнимая меня за шею.

Рот маняще приоткрыт, глаза смотрят пристально и ожидающе.

Страшно. Так и хочется прильнуть устами к ее губам, впиться и целоваться до умопомрачения. Осточертевшая нерешительность. Страшно, а вдруг отпрянет? Вдруг ей станет противно? Вдруг она не хочет? А потом весь офис будет смеяться.

«Знаете», – будет говорить Ритка, – «Резвей меня в кино пригласил. Я думаю, а что, делать вечером нечего, можно сходить. А он после фильма целоваться полез, как озабоченный!». Ха-ха, не будет она так говорить. Не будет. И вообще, че это я о всякой фигне думаю? Зачем я вообще думаю в такой ситуации?

Мне же не четырнадцать лет, чтобы грузиться такими сомнениями. Двадцать семь! Не мальчик уже. А каждый раз как в первый. «Наберись здоровой наглости. Будь грубее и не бойся казаться невоспитанным, сейчас воспитанные люди не в моде...», – вспомнились слова Лёхи. И я забил на сомнения и страхи.

Прижал Риту к себе и впился в ее губы. Как и хотел. Рита прикрыла глаза, а ее язык, опровергая мои сомнения, проник мне глубоко в рот.

– Слышь, ты? – прервал нас чей-то неприятный развязный голос. – Курить есть?

Я с трудом оторвался от Риткиных губ и ошалело оглянулся. Сзади стояли три парня. Двое из них – классические скинхеды в бомберах, в зенитовских «розах». А третий – Лёха.

***

– Курить? – непонимающе глядя на Лёху, спросил я. – Есть. Ща.

Вытащил пачку сигарет, большим пальцем руки приоткрыл пачку и протянул щербатому скинхеду. Он вытащил одну сигарету, вставил в зубы и спросил:

– Слышь, эта, корешам еще дай.

Я снова вытащил пачку и протянул. Щербатый вытащил еще две сигареты, дал второму скинхеду и Лёхе, и сказал:

– Слышь, у тебя тут деёл осталось совсем, давай всю пачку. А ты себе новую купишь.

Злость постепенно наполняла меня. Ритка с интересом следила за ситуацией.

– А рожа не треснет? – вспомнил я наиболее подходящую фразу.

Лёха довольно заулыбался. Щербатый скривился и сказал:

– Не, не треснет, братан. У тебя может треснуть, если чо.

Черт, или я дебил, или тут что-то не так. Проверить это можно лишь одним путем.

– Да иди ты на хуй, сука. Съебался отсюда.

– Чо? – удивился Щербатый и кивком головы врезал мне по носу.

Из носа потекло что-то мокрое. Я прижал ладони к носу. Лёха лыбился.

Шокированный таким развитием событий, я сделал то, чего никогда не сделал бы, будучи один, без Риты. Правая рука сама сжалась в кулак, разогнулась, и кулак угодил Щербатому прямо в нижнюю челюсть. Удар получился слабым, но Щербатый картинно упал на асфальт и замер в позе зародыша.

– Э, э, ты че? Братуха, все нормально, мы не причем. Извини, если что не так, – испуганным голосом сказал Лёха. – Все, мы сваливаем.

Они вместе со вторым зенитовцем подняли стонущего Щербатого, и ускоренным шагом двинули в сторону подземного перехода.

Ритка удивленно смотрела на меня. Потом опомнилась, подбежала, вытащила платочек, приложила к моему носу и спросила:

– Сереж, ты в порядке?

– Да нормально все. Давай зайдем в кинотеатр, надо кровь смыть.

– Конечно, конечно, – залепетала она, – Давай я помогу.

В туалете я отмылся, набил ноздри туалетной бумагой и в таком нелепом виде вышел в Ритке. То, какими глазами она на меня смотрела, стоило десяти таких ударов.

Кирпич восьмой

Ритка долго не могла успокоиться после встречи со скинами. Всю дорогу она в деталях вспоминала происшествие, с каждым разом приукрашивая мои подвиги. В последней ее версии хулиганы выглядели мелкими глупыми детишками, не понимающими, с кем связываются. То, что я сам получил по носу, она сочла неким хитрым тактическим приемом.

– Не, Сереж, круто ты так загнул, как будто от боли, а потом сам кэ-э-эк дал! – тараторила Ритка. – Те двое аж сразу перекошились, поняли с кем дело имеют!

Да уж, удружил Лёха. Хоть бы предупредил, что ли. Тем не менее, слушать Ритку приятно.

Мы зашли в одно кафе поблизости от кинотеатра. Полутемная интимная обстановка заведения настраивала на авантюрный лад.

Кругом сидели влюбленные парочки, а у телевизора собралась небольшая кучка пузатых мужиков, смотревших футбол. За бильярдным столом лениво гонял шары какой-то очкастый парень. После каждого неудачного удара он мрачнел лицом и бормотал страшные проклятия.

Толстая, но опрятная официантка принесла нам темного пива. Арбузные груди колыхались в такт ее движению. Ритка ревниво проследила мой взгляд, а потом куда-то в пустоту сказала:

– Ей явно не помешало бы заняться утренними пробежками и сесть на диету.

Я постепенно отходил от первой в моей жизни драки и сейчас с упоением вспоминал сладость чувства от... Нет, не от победы своей фиктивной, а от того, что смог, смог ударить человека. Ударил, даже не зная точно, что это повлечет.

Нос противно пульсировал и отдавался ноющей болью. По пути в кафе зашли в аптеку, где я купил пластырь. С пластырем на носу я чувствовал себя пострадавшим за правое дело героем.

Наверное, впервые в жизни я пожалел, что в детстве не записался на бокс. Отец мой, преподаватель математики, всегда противился тому, чтобы я занимался подобными видами спорта. Зато с его подачи я собирал марки и разводил аквариумных рыбок. Где те рыбки-то? Потерянное время.

– Сереж, а ты наверное боксом занимался? – перебила мои размышления Рита. – Или самбо?

– Ничем я не занимался, Рит, – хмуро ответил я. – К сожалению.

– А вот Сашка Бородаенко мне рассказывал, что он занимался чем-то таким. То ли ушу, то ли кун-фу. Даже пояс у него какой-то есть. А Стас – вообще чемпион СССР по тяжелой атлетике.

– Про Стаса я знаю, – сказал я. – А насчет Сани Бородаенко. Это правда, что вы встречались с ним?

– Да, встречались одно время, пока он мне не надоел. А ты откуда знаешь? – прищутив глаза, спросила Ритка.

– Слышал от него, – ответил я.

– Да, правду говорят, что вы, мужики, хуже баб. И язык у вас без костей, – презрительно сказала Рита.

– Ну ты всех-то под одну гребенку не греби, – оскорбился я за мужиков.

«Го-о-ол!» – заорали болельщики. Бильярдист-очкарик испуганно вздрогнул. Официантка повторила пива. Оптически ее груди стали еще больше. Когда она отходила, я с трудом перевел взгляд на Риткину грудь. В сравнении с арбузами официантки, ее грудь явно проигрывала. Но маленькими ее сиськи я назвать не решился бы.

– А что еще он рассказывал? – сделав ударение на слове «еще», спросила она.

– Да ничего особого. Встречались, рассказывал. Расстались, рассказывал.

– Хватит увиливать, Сергей! – возмутилась Ритка. – Говорил он, что трахнул меня? Говорил, что бросил?

– Хрен его знает, Рит, что ты привязалась? – вспыхнул в свою очередь я. – Какая разница, говорил он что-то или нет?

– Да такая, что, если говорил, то он лгал как сука. Да, мы встречались пару раз, один раз он цветы какие-то полевые подарил, повез к себе домой после ресторана. Выпили пару бутылок коньяка. Саша долго мялся, наконец решился, когда выдумал, что я окончательно опьянела, – с какой-то остервенелой злостью рассказывала Рита. – Но оказался не способным к боевым действиям, поник, стушевался, извинился и отправил меня домой.

– Что значит «оказался не способным к боевым действиям»? – решил уточнить я.

– Ну ты что, Сереж, совсем глупенький? Не встал у него, понимаешь? После этого он не то что «бросил меня», он взглядом со мной боится встречаться! А всем, гад, рассказывает, что поматросил меня, да бросил.

– Ну, может для него факт того, что ты соглашалась с ним переспать, уже сам по себе является победой? И он потерял спортивный интерес? – спросил я.

– Да? – задумчиво сказала Рита. – Я не думала над этим. Но если бы я была мужчиной, то я бы это победой не назвала. А назвала бы полным, безоговорочным и позорным поражением.

Закурили. Пока курили, наши забили еще один гол. А потом позвонил Лёха.

– Да!

– Старик, ну ты долго еще? За полночь уже!

– Да, понял. Это срочно? Ясно... Хорошо, через полчаса буду.

– Посади ее на такси и возвращайся туда, где сидишь, – четким шепотом сказал Лёха.

– Все понял. До связи.

Эх, хорошая девчонка Ритка, свойская такая. И расставаться не хочется.

– Рита, мне очень жаль, но я вынужден уехать. Важная встреча.

– В час ночи? – широко раскрыв глаза, удивленно спросила она.

Я мысленно нецензурными словами похвалил Лёхин план. Да и сам я придурок. Действительно, какая может быть важная встреча у рекламного менеджера в час ночи? Оставалось сохранить хорошую мину.

– Да, Рит. В час ночи. Очень важная встреча. И я очень хочу проводить тебя и посадить на такси.

– Хорошо, как скажешь, – растерянно сказала она.

Для нее-то план действий расписан до утра. Милая беседа за кружкой пива, потом можно еще куда-нибудь заглянуть, а можно сразу, конечно, предварительно поломавшись, дать согласие поехать ко мне или к ней. Ну что же, Рит, ожидание секса порой приятнее, чем сам секс. Так что, обождем.

Я расплатился, мы вышли в прохладную ночь. Я поймал такси. Прежде чем сесть, Рита чмокнула меня в щечку, улыбнулась, а потом смачно поцеловала меня в губы. Или я ее поцеловал? Не важно, факт в том, что одновременно это получилось, непроизвольно. Я расплатился с таксистом и вернулся в бар.

В одиночестве сидя за кружкой пива, я вспомнил, как утром тупо просрал все свои планы, как меня выгнали с планерки, какой унижительный для меня разговор я подслушал у двери нашего кабинета. И подумал, стоило ли грузиться? Жизнь продолжается.

Я допивал пиво, когда в бар ввалилась уже знакомая мне троица: Лёха и два скинхеда. Шумной, привлекающей внимание толпой, они подошли ко мне.

– Здорово, Серега! – сказал Лёха. – Знакомься! Лом! Лобзик!

Лобзиком оказался Щербатый. Он довольно лыбился, при улыбке его череп туго обтягивался блестящей кожей.

– Официант! Пива! – заорал Лёха.

Тут же прибежала уже знакомая мне толстая официантка, выгрузила с подноса пиво, не пролив ни капли, и удалилась под одобрителные взгляды скинов. «Вот это я понимаю, сиськи!» – воскликнул Лом ей вслед. Официантка оглянулась, лукаво улыбнулась и погрозила ему пальцем. Скины заржали.

– Ну, че, пацаны, за знакомство! – серьезно сказал Лёха.

– За знакомство!

В несколько шикарных глотков «пацаны» осушили бокалы. Минут двадцать посидели, лениво обсуждая футбол, и уже не торопясь, потягивали холодное темное пиво. У меня на языке вертелось поскорее спросить Лёху о сегодняшней драке, рассказать ему о том, что произошло в эти дни, но Лёха знаком дал понять, что пока не время.

– Ладно, пацаны, приятно было познакомиться! У меня тут с корешем разговор серьезный будет, – сказал он скинам.

– Какой базар, Лёха, мы удаляемся, – кивнул Лом. – Бог даст, свидимся еще.

– Свидимся, куда денемся, – подтвердил Лёха. – Еще раз спасибо за помощь. Хорошие вы актеры.

Скины удалились.

– Лёш, объясни мне, что произошло у кинотеатра? – нетерпеливо попросил я. – И кто эти парни?

– Обычные парни. Такие же менеджеры среднего звена, как и ты. Просто сильно увлекаются футболом и фэн-движением. Завсегдатаи тринадцатого сектора.

– Ну это я понял. – сказал я. – А что они с тобой делали?

– Видишь ли, Серега, авторитет поддерживается не только хорошо подвешенным языком, но и кулаками. Вернее, не сколько твоими физическими характеристиками, сколько готовностью броситься в бой. Как ты думаешь, почему люди боятся озверевших кошек? Ну что может сделать этот маленький мурлыкающий пушистик против человека? Ну, исцарапает тебя. Но в итоге-то ты ему шею свернешь. То есть, сила кошки заведомо слабее силы человека. Но кошка проявляет готовность пустить когти в ход,

не смотря на неравенство сил, а человек – нет.

Я улыбнулся такому сравнению. И ведь действительно, я бы не рискнул пойти против вздыбившейся и шипящей кошки. Проще пойти на попятную, смириться с этим малюсеньким поражением, стереть его из памяти, зато не получить ни царапины.

– И у людей так, что ты ржешь? Я видел много различных групп людей, где доминировал не самый сильный и не самый здоровый. В группе доминирует лидер, лидер готовый ценой жизни порвать пасть любому, кто пойдет против него. И все эти здоровяки и спортсмены пасуют перед таким с виду хилым, но сильным духом лидером. Понятно излагаю?

– Пока все понятно, – кивнул я.

Мне уже понятно, к чему клонит Лёха. Но прописные истины, знакомые каждому пацану, проводшему хотя бы часть детства на улице, в изложении Лёхи звучали иначе. Весомее, что ли.

– Идем дальше. Если б я тебя просто предупредил о том, что собираюсь организовать твою стычку с хулиганами, ты был бы готов к этому, заранее бы знал, что тебе ничего не грозит. Понятно, здесь ни о какой силе духа речи быть не может. Просто, перед девчонкой пофорсить, липовый авторитет наработать. А такой дутый авторитет, рано или поздно, раскроется и тогда падать тебе будет очень больно.

В этот момент я понял, что изменить себя мне будет несколько сложнее, чем представлялось ранее. Невозможно придать себе вид «готового ценой жизни порвать пасть любому, кто пойдет против меня», не побывав в таких ситуациях. В ситуациях, когда отделаться сломанными ребрами я почти за удачу.

– А пацаны-то откуда? – спросил я.

– Вышел я из кино, жену домой отправил на такси, а сам в этот бар зашел. Выпью, думал, кружку пива, пока Резвей там с девушкой общается. Здесь и познакомился с Ломом и Лобзиком, прикольные погоняла, да?

– Ага. Напоминают капитана Врунгеля и рассказы Носова.

– Поговорил с пацанами, попросил поучаствовать в легком театральном действе.

– И они так просто согласились?

– Подход к людям надо знать. Да речь не об этом. Ты, кстати, молодцом себя показал, не растерялся.

– Да растерялся я, Леш, – признался я.

– Да? Ну, я не заметил, а если я не заметил, то никто не заметил. Удар, конечно, на двоечку был, но, главное – сам факт! Ты преодолел свои страхи, растерянность и сделал как надо.

– Да если бы не Рита..., – начал я, но Лёха перебил.

– А то! Женщины нас, Резвей, окрыляют! Я потому и подобрал такую ситуацию, чтобы ты не смалодушничал. А то знаешь, бывает: да ладно, зачем конфликтовать, можно миром решить, все равно о моем позоре никто не узнает. Это заведомо порочная философия, особенно учитывая то, что сам-то ты об этом знать будешь! И каждый такой малодушный поступок – это гвоздь в гроб твоей силы и уверенности.

Лёха умолк, залпом допил пиво и заказал еще.

– Слушай, а че с Лидкой? Ты же любишь ее вроде?

– Не знаю, Лёха. Мне очень сильно хотелось доказать себе, что я что-то могу. Пригласить секретаршу шефа в кино показалось мне сильным поступком.

– Че за глупости? – сморщился Лёха. – Ну, ладно, продолжай. А еще лучше, начни сначала, расскажи все, что произошло с момента моего отъезда.

Пока я рассказывал, мы выпили еще по паре бокалов пива. Лёха иногда одобрительно кивал, иногда – кривился, но не перебивал. После моего рассказа он посмотрел на часы и сказал:

– Итак, первый вывод: с соседями и сослуживцами надо дружить. Твой сосед Вася, конечно, полный долбоеб, и ты правильно сделал, что отшил его. Но запомни, худой мир – лучше доброй ссоры. У тебя же застенчивость переросла в излишнюю самоуверенность и агрессию. За пару дней ты умудрился до предела обострить отношения с Васей, обоими вахтерами и Панченко. Здесь не действует тактика «лучшая защита – это нападение». Контролируй свои эмоции.

– Это я и сам уже понял, – сказал я.

Мне кажется, я начал понимать разницу между тем, когда надо не дать себя в обиду, а это можно делать вполне доброжелательно, и тем, когда закрепляя мизерное превосходство, я не упускал случая добить кого-то, танцуя на его костях. Взять хотя бы тот случай, когда я подарил свои старые шмотки Васе, а потом «поздравил» его с обновкой.

– Плохо понял, – подтвердил мои догадки Лёха. – Не озлобляй людей против себя. Я понимаю, тебе сейчас сложно, но твоя задача: балансировать на грани. Не давать себя в обиду, но при этом быть милым приятным Резвеем. А это уже дипломатия.

– Ясно, – кивнул я, – учту.

– Насчет подслушанного тобою разговора, – продолжил Лёха. – Ну это совсем глупый непродуманный поступок. Так подставиться? Ну и что ценного ты узнал? Ничего нового о себе ты не услышал, только испортил

себе настроение. Никто не гарантировал тебе моментального изменения отношения к тебе людей. Это дело не одного дня, не месяца даже. Но если будешь двигаться в правильном направлении – то все будет нормально. И уважать еще станут, вот увидишь. Так что не вздумай увольняться! Все эти панченки воспримут это как победу, а ты же надолго запомнишь это поражение. И даже если ты на новом месте добьешься успехов, то воспоминания об этой неудаче будут незаживающей раной в душе беспокоить тебя. Тем более шеф тебе повышение обещал...

– Он не обещал, он сказал, что было в планах, – исправил я Лёху.

– Да это одно и то же. Не было бы в планах – вообще бы не озвучивал тогда. И еще. Возможно, это звучит банально, но именно в этом секрет успеха. Воспитывай силу воли. Поставил задачу бегать по утрам – так не ленись, просыпайся рано, вставай и – пофиг на погоду – бегом на улицу! Дождь там, снег или град – это все отмазки для слабовольных даунов. Ясно?

– Ясно.

– Что касается твоих амурных походов... – задумался Лёха. – Скажу просто: бери не то, что легко дается, а то, чего самому хочется.

Посидели еще с полчаса, разговор плавно перешел на Лёхины дела, да на баб. Лёха так и не сказал, чем он занимается, зато о бабах говорил с видом знатока и со вкусом.

Шел пятый час утра, пора по домам. Лёха сел за руль, серьезный и сосредоточенный, словно не он недавно выпил литров пять пива. Ехали молча.

А когда проезжали Каменоостровский, я увидел идущих по тротуару Панченко с Лидкой. Они держались за руки. Я моментально протрезвел и прошептал «Нифига себе!». Лёха отреагировал моментально.

– Кто такие?

– Тот самый Костя Панченко. И знаешь с кем? С Лидкой.

Лёха чему-то загадочно улыбнулся и полез за сотовым.

Кирпич девятый

Я удивленно смотрел на Лёху. Он что, собирается вызвать Лома с Лобзиком? Чтобы еще и Костю протестировать своими скинхедами? Может это подло, но, честно говоря, мне хотелось посмотреть, как отреагирует на ситуацию Панченко, в обнимку идущий с Лидой. Я ощутил резкий приступ ревности, в груди что-то защемило. Лёха набрал номер и я замер в ожидании.

– Леонид, здравствуй! Не разбудил? Ясно, ну извини. Я Лидию твою встретил на Каменоостровском, парень с ней какой-то. Ясно, ну давай, я пригляжу за ней пока. На машину мою ориентируйся.

Я вопросительно уставился на Лёху. В горле зарождался ком, а в груди воцарилось опустошение. Лёха кинул сотовый в карман, заглушил мотор и закурил сигарету. Потом взглянул на меня и сочувственно стал объяснять:

– Лидия твоя – любовница моего друга Леонида. Он ее поддерживать начал в те времена, когда она в институте училась. Но был уговор – спать только с ним. Понимаешь, вряд ли он ее любит, но то, что собственник он еще тот – это факт. Уже лет шесть они вместе.

– И чем этот Леня занимается? – спросил я.

– Да чем он только не занимается. Большой человек. Своя сеть магазинов, водочный завод, да ты его должен знать, Баркан его фамилия.

Кто же его не знает? Авторитетный предприниматель и меценат, известный в криминальных кругах как Ткач, он же Леонид Баркан. А я – баран. Тешил себя какими-то надеждами, не позволяя себе думать о том, что у такой восхитительной девушки обязательно кто-то есть. Теперь понятно, почему Лидка никогда не распространялась на эту тему.

В голове крутились сотни вопросов. Откуда Лёха знает Ткача? И почему так запросто позволяет себе общаться с ним? И кто тогда сам Лёха? Но задать все эти вопросы я не решился. А Лёха, словно знатный телепат, сам ответил на мои вопросы.

– С Леней мы в школе вместе учились. Потом в один институт поступили. Тихий еврейский мальчик был, до поры до времени. Потом продвинулся он реально. Пересекались после института постоянно, но уже по делам. Иногда на охоту вместе ездим.

– Так ты Лиду знаешь?

– Выходит, что знаю. Красивая девчонка, спору нет. Я Леню без нее вообще редко вижу.

– Они живут вместе? – спросил я.

– Да не, что ты. Ленька уже лет десять как женат.

Лёха заинтересованно наблюдал за Панченко с Лидой. В это время они остановились у стены Ленкома. Костя положил руки ей на плечи, притянул к себе и попытался поцеловать. Лида уклонилась. Пронесло. Не поцеловались. Внутренне я позлорадствовал, а потом понял, что радоваться нечему. Ведь это Костя сейчас обнимает мою любовь, он хотя бы пробует ее поцеловать. А я даже на свидание ее боялся пригласить.

– Лёха, а зачем ты Леониду позвонил? Косте же теперь достанется! По-моему, это подло.

– Подло? Знаешь, Сережка, мне кажется, если тебя ударят по щеке, ты не только подставишь другую щеку, но еще и встанешь раком, снимешь трусы и услужливо раздвинешь ягодички. Думаю, ты мазохист.

– В каком смысле?

– Сколько говна тебе Панченко сделал? И ты переживаешь за него еще? Да не волнуйся, ничего твоему Косте не будет. Знаешь такую поговорку, сука не захочет – кобель не вскочит? Спрос с Лидии будет, Панченко для профилактики по башке, может, настучат, этим все и ограничится.

– Что значит, спрос будет? – не понял я.

– В данной ситуации поскандалят немного, потом Лидия расплатится и успокоит Леню, сделав ему что-то приятное.

Тугой ком ревности подкатил куда-то в район сердца. А жестокий Лёха продолжал:

– Вот и все. А позвонил я Леньке знаешь почему? Потому что Панченко твой мне – никто, а Леня – мой старый кореш, и я не могу допустить, чтобы его кто-то обманывал, пусть даже любовница.

– Так что получается? Ей и встречаться ни с кем нельзя теперь?

– Встречаться? Да ты, Серег, как с Луны свалился. Хочешь сказать, парни с девушками встречаются, чтобы эстетическое удовлетворение получить? Ни одна девушка и ни один парень не встречаются просто так, – зло сказал Лёха. – Они встречаются, чтобы потрахаться. А дальше все зависит от доступности девушки и настойчивости парня.

– И все-таки?

– Понимаешь, Серега, как только Лидка захочет променять безбедную жизнь, защиту от любых проблем и карьерный рост на любовь, так все и закончится. Леня забудет к ней дорогу, – пояснил Лёха. – Ясно?

– Ясно. Мало какая женщина променяет благополучие на любовь.

– Мало ты женщин знаешь, – горько усмехнулся Лёха.

– А мне что делать? – спросил я.

– Делай то, что считаешь нужным, – уверенно ответил он. – В делах сердечных советчиков быть не может.

Мимо пронесся черный «Инфинити». Проехал вперед метров двадцать, притормозил. Лидка испуганно отстранилась от Панченко и медленно пошла к джипу. Костя неуверенно брел следом. Лида села на переднее сиденье и захлопнула дверь.

Джип резко газанул и умчался. Недоумевающий Панченко побрел в сторону метро. «Извини, Костя, что испортили тебя праздник», – подумал я. И неожиданно для себя ощутил острое чувство жалости по отношению к этому далеко не приятному мне типу.

***

Спал всего час. За окном монотонно моросил осенний дождь. Вставать не хотелось, кости ломило так, словно по мне проехался трактор, а в голове мозги устроили вечеринку с приглашенным диджеем Бодуном. Тем не менее, помня о злополучном утре прошлой пятницы, вскочил сразу же, ноющие ноги нехотя понесли меня на кухню.

Покорил себя, что сразу же, как приехал домой, не выпил литр минералки с аспирином. Пришлось делать это сейчас. Пока вскипал чайник, поприседал с вытянутыми руками. Колени противно хрустели, явно пора заняться физикой.

Выпил чашку горячего черного кофе, накинул спортивный костюм и на улицу – бегать.

Во дворе встретил соседа Васю. Вася выгуливал Полкана. Вернее, Полкан выгуливал Васю, по всему, пребывающего в состоянии анабиоза. Узрев меня, Вася встрепнулся:

– Сосед, стольник до...

– Нет.

Вася угас и как-то безнадежно махнул рукой.

Для начала пробежал пару стометровок на максимуме, а потом просто бегал, пока не почувствовал, что больше бегать не могу, иначе сдохну. Минута передышки, и еще круг. Все, теперь можно домой. На улице прохладно, но мне жарко. Пот стекал ручьями, сердце готовилось выскочить, если не сразу, то с минуты на минуту. В боку покалывало. А еще очень сильно болело горло, словно его хорошенько обработали напильником.

На крыльце спал Вася. Полкан с поводком под ногами заинтересованно ковырялся в чьих-то кашках. С балкона высунулась Катерина, Васина жена, и истошно закричала:

– Василий! Да что же это такое, а? Василий! Живо домой!..

Дослушивать я не стал. Перепрыгивая через ступеньку, резво поднялся к себе на этаж.

Дома скинул тренировочный костюм, и попробовал отжаться. Р-разз... Рухнул на пол. Офигеть! Лет пять назад свободно делал двадцать отжиманий. Да уж. Встал, потряс руками. Второй подход оказался успешнее – два раза. В третий подход кое-как осилил один раз, руки тряслись и дрожали.

В принципе, ничего страшного. Я через это уже проходил. Уже через месяц близко подобрюсь к прежним показателям – двадцать-тридцать отжиманий за подход. А через два доберусь до сорока. Главное – не бросить.

Теперь подтягивания. Повисев, словно сосиска, я, извиваясь как змей, все-таки смог подтянуться один раз. Отдохнул и сделал еще два подхода.

Все, теперь в душ.

Быстро помылся и начал экспериментировать с температурой воды. Тепло, горячо, резко холодно. Душа ушла в пятки, перехватило дыхание, ледяная вода смывала сонливость и апатию. Раз, два, три, четыре... И опять тепло. Здорово!

По всему телу эйфория, а в голове – благодарность самому себе за то, что хватило воли воплотить задуманное. А самое главное – никаких следов похмелья не осталось!

Все утро думал о Лиде и Рите. Обе красивые, но одна – любовница Ткача, а вторая – свободна. Лида меня терпеть не может, а Рита относится ко мне очень хорошо.

Вот только люблю я Лиду. А любовь зла.

***

Придя на работу, первым делом пошел к Кацюбе. В приемной сидела Ритка и набирала какой-то документ на компьютере. Увидев меня, бросила печатать, заулыбалась.

– Привет! Как дела? Как вчера встреча прошла? Нос целый?

– Нос целый, встреча прошла нормально, – ответил я. – Кацюба у себя?

– Да, у себя, – сказала Рита. – Но у него посетитель. Присядь на диван, подожди пока.

Я сел на диван. Краем глаза наблюдал за Риткой. Невольно сравнивал ее с Лидой. Нет, в красоте Маргарита ни в чем не уступает Лиде. Голову запрокинул на кресло, прикрыл глаза.

– Сережа, ты можешь зайти!

– Спасибо, Рит.

Ох, блин, чуть не уснул ведь. Зарядка-зарядкой, а спал-то я всего около часа. Поправил галстук и зашел к генеральному.

– Станислав Евгеньевич, можно?

– Входи, Сергей.

Я закрыл дверь и сел напротив Стаса. Он упер локти в стол и о чем-то думал. Потом открыл ежедневник и стал рисовать треугольники. Наконец поднял голову и сказал:

– Выкладывай.

– Я решил остаться, Станислав Евгеньевич.

– Отлично. Твой трудовой договор мы пересмотрим... в сторону увеличения заработной платы. В декабре Михаил Степанович уходит в отпуск, поработаешь на его месте – исполняющим обязанности моего зама. Справишься?

– Справлюсь, – мне стоило больших трудов сказать это твердо.

– Вот, поработаешь с месячишко, освоишься, контакты наведешь, – Стас тяжело вздохнул. – Со здоровьем у меня последнее время, Сергей, нелады. Сердце пошаливает, одышка.

Я внимательно слушал. К чему же он клонит? Вдруг открылась дверь, ведущая в VIP-комнату. Оттуда, широко улыбаясь, вышел Лёха. Я потряс головой, уж не снится ли мне все это?

– Мне уже далеко за шестьдесят, и я решил отойти от дел, – продолжил Кацюба. – Конечно, мне не хотелось отдавать свое детище кому попало, и после долгих поисков по рекомендации друзей я вышел на Алексея Алексеевича Верняка. Алексей согласился выкупить мою фирму...

Лёха картинно поклонился. Я подумал, что рекламное агентство «Расмус Медиа» – хорошая покупка.

– Да вы уже знакомы. Алексей Алексеевич сразу сказал мне, что хочет поставить руководить нашим рекламным агентством настоящего профессионала. После долгих раздумий я понял, что кандидатура только одна – это ты, Сергей.

– Да, Серег, ты подходил по всем параметрам, но если бы мы тогда тебя сразу сделали руководителем, твои комплексы и забитость сделали бы

из тебя плохого директора, – серьезно сказал Лёха, для меня теперь уже Алексей Алексеевич Верняк. – Авторитет ты должен был заработать сам.

– Да, Сергей, – продолжил Кацюба. – Ты же был самой настоящей тряпкой, об которую все вытирали ноги. И тогда Алексей вызвался помочь тебе. Но помочь ненавязчиво. Результат мы видим есть, да какой! Даже Маргариту чуть не соблазнил, мою прелесть! Ха-ха-ха! Эх, Сережа, Сережа...

Я сидел и думал...

– Сережа, Сережа! Проснись! – услышал я далекий голос Риты.

Она взяла меня за руку и будила меня. Я открыл глаза.

– Извини, Рит, – вяло протянул я. – Практически не спал сегодня.

– Да с кем не бывает. Проснулся, соня?

– Ага, – улыбнулся я.

– Ну иди к Кацюбе. Он уже ждет.

***

Казалось, Кацюба абсолютно не удивлен известием, что я остаюсь. О повышении зарплаты и повышении он вообще словом не обмолвился, я же решил этот разговор отложить на потом. Судя по настроению Кацюбы, сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы просить повышения.

В наши сети как раз крупный клиент попался, настолько крупный, что халтурить значило поставить на репутации фирмы крест. Проект поручили Лидке, но она настолько была погружена в свои амурные дела, что наиболее ответственную часть поручила Панченко. Это было до начала их романа.

Теперь в моем отделе воцарились хаос и паника. На носу – срок сдачи проекта, Лидка носится с бумагами и дисками из отдела в отдел, а Панченко обиженно дуется и делает вид, что она для него – пустое место. Малыш-малыш... Тебе бы больше внимания работе уделять, а не в служебный роман играть.

Сначала Костя ходил весь такой влюбленный, что ему было не до проекта. Теперь, угнетенный разрывом с Лидкой, он всем своим поведением показывал, что работать в одной фирме с такой стервой как Фрайбергер полностью противоречит его принципам и идеалам. Боже мой, ведь это так просто – не путать личные отношения с рабочими. Жаль, но Костя сам до этого не дошел.

Окончательно в своей правоте я убедился, когда взмыленная Лидка

попросила ей помочь. Мне стоило великих трудов и внутренних взываний к своей новой философии, чтобы отказать ей. Тому были объективные причины – своей работы было валом.

И только когда над Костей нависла реальная угроза не закончить успешно испытательный срок, он зашевелился.

А после обеда в столовой Лида с Панченко долго о чем-то беседовали на улице. Панченко остаток дня просидел над бумагами молчаливо-мрачный и расстроенный.

Вид отверженного Кости придал мне уверенности, и я решил сегодня же вечером пригласить Лиду в кино или в ресторан, хоть куда, не важно. Пошла же она с Панченко. А чем я хуже?

В ожидании этого, остаток рабочего дня пролетел для меня незаметно. Наконец я выбрал момент и вытащил Лиду на лестницу на перекур.

– Ты что сегодня вечером делаешь, Лида? Может быть в кино сходим? – выпалил я, стараясь говорить твердо и уверенно, как Лёха учил.

– Резвей! Ты что, с дубу рухнул? – воскликнула Лидка, привлекая к нам внимание. – Какое кино? О чем ты? Конец месяца, работы валом!

Ошарашенный Лидкиной грубостью, я замер. Но – прогресс! – абсолютно не смутился. Сглотнул слюну и тихо ответил:

– Лид, успокойся. Не хочешь – не надо, зачем кричать? А работать надо всегда, не только в конце месяца... Кстати, Лёня не очень ругался?

Мой вопрос ошарашил Лиду. Она замерла с открытым ртом, а потом пришла в себя, собралась и резко ответила:

– Не твоё дело! – потом вздохнула и продолжила, – ладно, давай встретимся. Только не в кино. Не люблю кинотеатры, жрут там, пакетами шуршат – никакой атмосферы! Номер мой знаешь, часам к девяти позвони.

– Добро, – вымолвил я.

Сам не поняв, счастлив ли я или нет, сел за рабочее место и предложил Гараяну сыграть по сети в футбол. Мы иногда устраивали такие баталии, давая мозгам отдохнуть.

– Я создам игру, Серег, – обрадовано ответил Левон, высыпая себе в рот остатки чипсов.

Я кликнул на иконку FIFA Soccer '2004, одел наушники. А через минуту почувствовал вибрацию телефона в кармане. Чертыхаясь, вытащил сотовый.

На его экране высветился номер Риты.

Часть 3 и последняя

– Сергей, ну тебя долго ждать? – ноющим голосом спросил Гараян. – Я уже создал игру. Взял сборную Армении. А ты бери сборную Грузии.

– С чего бы это? – удивился я. – Я лучше Францию возьму.

– Возьми Грузию, очень прошу, мне так приятнее будет тебя обыгрывать! – взмолился Левон.

– Ладно-ладно. Возьму грузин. Это, Левон, подожди минутку, я сейчас, – попросил я.

Я сбросил вызов Маргариты и пошел в приемную. Ритка сидела там одна. Увидев меня, встала, в улыбке показала белоснежные зубы и подошла ко мне. Я попытался обнять ее, но она выскользнула и закрыла дверь на ключ. Я непонимающе смотрел на нее.

– Шефа сегодня уже не будет. Ты меня понимаешь? – спросила она. – Мы можем успеть.

Она прильнула ко мне, наши губы сомкнулись, ее горячий язычок скользнул по моим зубам. Я почувствовал прилив крови в чреслах.

Я чуть приподнял ее, и не отрываясь от поцелуя, мелкими шажками стал продвигаться к секретарскому столу. Левая рука блуждала по приятным выпуклостям и закончила путешествие, забравшись Ритке под трусики. Рита самозабвенно целуясь, сняла одну руку с моей шеи и просунула мне под ремень.

Прошла еще пара минут жарких поцелуев и объятий, и Ритка неистово смахнула со стола бумаги. Я посадил ее на стол, задрал юбку, и наклонился над нею. Ее руки лихорадочно перебирали пряжку ремня, наконец она поддалась, ширинка с характерным звуком растянулась и она нетерпеливо спустила мои трусы. Готовно распростерлась на столе, бесстыже раздвинула ноги. Я сдвинул вбок ее трусики, мешавшие войти, Ритка прикрыла глаза и в этот момент зазвонил телефон.

Рита тихонько заматерилась, протянула к нему руку, сняла трубку и протянула ее мне.

– Да, – сказал я в трубку и в ответ услышал голос Левона.

– Сергей, ну что ты так долго? Костя тоже хочет сыграть, на победителя. Ждать тебя?

– Левон, я занят. Сыграйте пока сами!

– Хорошо. Кстати, тебя Лида ищет, – недовольно пробурчал Гараян и бросил трубку.

Я на секунду призадумался, но Ритка так призывно смотрела, что я отбросил сомнения. Вот только звонок Гараяна все испортил, и мой член уже не производил впечатление бойца, готового к бою. Рите хватило мгновения, чтобы понять, что к чему. Она встала и со словами «Для начала – устно», взяла мой член в кулачок, а языком стала водить по головке.

Кровь прилила, и я ощутил приятные пульсации в паху. Я запрокинул

голову и стоял на полусогнутых, краем глаза отмечая, как Риткина голова совершает возвратно-поступательные движения. Это возбудило меня еще больше. Как же.

Секретарша шефа, доселе недоступная даже в мечтах, делает мне минет! И мне это не снится!

Приятные размышления прервал резкий и настойчивый стук в дверь.

– Маргарита, ты здесь? Открой! – раздался за дверью требовательный голос Лиды.

– Одевайся, быстро! – прошептала Ритка, прервав ласки.

Легко сказать. Ей достаточно поправить одежду, у меня же молния на ширинке, ремень с кучей дырочек, рубашку надо заправить. Вы пробовали резко застегнуть ширинку с эрегированным членом? Иногда можно промазать. Боль адская. К несчастью, промазал я именно в этот раз.

В общем, я быстро оделся, и не зная куда спрятать выпирающий из штанов член, сел за Риткино место, запустил пасьянс и сосредоточенно уставился в монитор.

– Что это вы тут делаете? – подозрительно спросила Лида.

– У Маргариты компьютер заглохнул, а я как раз мимо проходил, она просила посмотреть, – выпалил я первое, что пришло в голову.

– Для этих задач Бородаенко есть. Резвей, я тебя по всему офису ищу!

Ритка еле сдерживала улыбку, с серьезной миной роясь в папках с письмами за прошлый год. Я понял, что у нее так и крутится на языке ответ, что Бородаенко показал свою недееспособность в решении «этих задач». И улыбнулся сам:

– Ну что ты кипятишься? Вот, здесь я. Идем, посмотрим, что там у тебя.

С удовлетворением заметив, что больше ничего не выпирает, я вылез из-за стола и направился к выходу.

– Рубашку сзади заправь, компьютерщик хуев, – услышал я сзади ехидный Лидкин голос.

***

В компьютерный футбол я так и не сыграл. Обсудили с Лидой некоторые рабочие моменты, после чего меня вызвал Степаныч. А на этом дела закончились и, соответственно, закончился рабочий день.

Еще раз уточнив у Лиды, в силе ли планы на вечер, пошел домой.

Перекопанный участок дороги возле офиса наконец-то заасфальтировали. В свежееуложенном асфальте, орошенным недавно моросившим дождиком, отражались огни фонарей. Как же все изменилось!

Сейчас вечер вторника. А четыре дня назад я шел этой же дорогой в магазин за леденцами. А вот здесь грузовик облил меня грязью.

А вот тот самый магазин, где я встретил Лёху. Не удержавшись, зашел в магазин. За прилавком – та же самая сорокалетняя продавщица с обесцвеченным волосом и в роговых очках. Сегодня она активна – шутит с покупателями, бойко носится от полок к покупателям. Пока я думал, быстро подошла моя очередь, и продавщица, дружелюбно улыбаясь, спросила, что мне нужно.

Попросив леденцы, я задумался.

Что с ней случилось? Хочется верить, что причиной преобразования продавщицы служит не банальный втык от начальства с угрозой увольнения, а какие-то позитивные сдвиги в ее личной жизни. И мне дорога вот эти вот ее жизнерадостность и доброжелательность именно тем, что они не искусственны, как у персонала «Макдоналдса», а естественны именно как следствие хорошего настроения самой продавщицы.

Ну несвойственна советскому человеку неискренность и лицемерие. Наш человек, хотя бы краем детства заставший Союз, будет улыбаться не тогда, когда надо, а когда хочется. И это нормально, грустить – когда грустно, а улыбаться – когда хорошо на душе.

Я улыбнулся во все тридцать два зуба, отплачивая продавщице тем же за ее искренность, так же искренне поблагодарил и направился к выходу из магазина. Во рту охлаждающе обжигал горло ментоловый леденец.

Скажу честно, в эти пять последних дней уместилось столько событий, что мои чувства несколько притупились. Меня после сцены в секретарской уже вообще ничего не удивляло. А главное, если раньше я бы тихо позавидовал смелости Панченко и Бородаенко, погулявших соответственно с Лидой и Ритой, вдоволь наплакался бы с подслушанного вчера разговора, потом полгода проходив в депрессии, то сейчас я стал более толстокожим.

Что и говорить, неделю назад, новость о том, что у Лиды есть любовник, повергла бы меня в шок и довела бы до петли. Сейчас же это для меня просто новый расклад, соответственно которому и нужно себя вести.

А докопались бы до меня хулиганы дней пять назад, до встречи с Лёхой? Пусть даже я был бы с девушкой, или с десятком фотомоделей, вряд ли бы я осмелился не то что кого-то ударить, я бы грубо ответить не посмел

бы.

В толпе ожидающих на остановке я увидел симпатичную девушку. Больших трудов стоило не отвести взгляд, когда она посмотрела на меня. Улыбнулся и получил улыбку в ответ. И здесь выдержки уже не хватило, отвернулся. А когда снова посмотрел в ее сторону, увидел рядом с ней какого-то парня в длиннополном кожаном плаще.

– Девушка, я вас где-то видел! – радостно заметил Черный плащ.

– Отвали, – равнодушно, не задумываясь, ответила она.

Улыбка сползла с Черного плаща. Он нерешительно помялся и с независимым видом отошел в сторону. Что же, теперь я попробую. Подошел к ней.

– Привет! Здорово вы его! Наверное, большой опыт в этом?

Девушка оценивающе посмотрела мне в глаза. Я понял, что «в этом» звучало довольно двусмысленно. Я не знаю, что она увидела в моих глазах, но ее губы растянулись в улыбке и я услышал:

– Ксения.

Я протупил пару секунд, а потом до меня дошло.

– Сергей. Приятно познакомиться.

– Взаимно.

А когда подъехал мой автобус, я уже знал краткую биографию Ксюши, а в кармане лежал листочек из ее блокнота. С номером её телефона.

***

Я только начал переодеваться, когда в дверь позвонили. Это был Вася. Сосед. Вел он себя на удивление робко и вежливо. Вася переминался с ноги на ногу и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Сергей, здравствуй.

– Здорово, Вася, – сказал я и приготовился к очередной обороне своих финансов.

– Серег, ты извини что так поздно, – промямлил Василий, – но ведь лучше поздно, чем никогда, да?

Я офигел, когда увидел что Василий протягивает мне деньги.

– Ну, Вась, я удивлен. А что случилось-то? Да заходи, не стой на пороге.

Вася зашел, я прикрыл дверь.

– Понимаешь, Серег, за ум я взялся. На работу устроился новую, а там с этим делом, – щелкнул Василий себя по горлу, – строго. А платят хорошо.

– Молодец, Вась. Так ты вообще завязал с выпивкой?

Вася вздохнул и твердо сказал:

– Вообще. Хватит. Я же сколько пропил за этот год. Примерно так посчитал и ужаснулся, – горячо заговорил Вася. – Я же детям компьютер мог купить на эти деньги! Сережка с Петькой давно просят.

– Компьютер вещь хорошая.

– Нужная это вещь, Серега! Сейчас без компьютера никуда! Так что, раздам долги и детям в кредит компьютер куплю. Сейчас такое время, за десять минут кредит делают! А научатся мои на компьютере работать – считай уже в жизни устроены!

Я слушал немного наивные, но в целом здравые мысли соседа и искренне радовался за него. Лишь бы не сорвался Василий. Здоровый умный мужик. Работяга. Золотые руки. А из-за водки испортил не только себе жизнь, но и семье своей.

– Вась, я на самом деле рад за тебя, за Катеринку, за Петьку с Сережкой. Ты уж будь мужиком, слово-то держи теперь!

– Что ты, Серега! Все! Ни-ни! – убежденно сказал Вася. – Ну, бывай, сосед. В расчете?

– В расчете.

Я захлопнул дверь. Молодец Вася, конечно.

Вот только с такой же убежденностью Вася раньше обещал долги вернуть. С получки. С заначки. С перезайма.

***

За Лидой заехал на такси. Подарил Лиде букет роз, который она приняла со смирением и бережно везла его всю дорогу. В такси ехали в молчании, то ли не зная о чем говорить, то ли стесняясь таксиста. А поехали мы в бар «Кирпичи». Лидка не возражала, а мне легче в знакомом заведении.

Официант поставил букет в графин с водой, оставил два меню и удалился.

– Про Лёню откуда знаешь? – сразу взяла быка за рога Лида.

– От верблюда, – улыбнулся я.

– Резвей! – возмутилась Лида. – Я серьезно!

– От знакомого одного. Он знает вас с Лёней.

Говорить о том, что Лёня приехал после звонка Лёхи я не стал.

– Ясно. Хорошие у тебя знакомые, значит. Лёня со всякой шушерой не

общается.

– А я – шушера? – спросил я.

– Для Лёни – безусловно. Для него и Кацюба – шушера. Не тот уровень.

– А ты – «тот уровень», так что ли? Раз Лёня с тобой общается? – решил уточнить я.

– А вот это уже – не твое дело, – огрызнулась Лида.

Подошел официант. Я заказал только пиво, поскольку есть Лида отказалась, а я ужинать в одиночестве не решился.

– Почему это не мое? – наигранно удивился я. – Я жениться решил на тебе, имею я право знать, с кем и почему общается моя невеста?

– Что? Резвей, ты в своем уме? С чего это ты решил жениться на мне?

Маленькие зеленые молнии из ее глаз норовили сжечь меня на месте. Я выдержал паузу, и максимально пытаюсь сохранить самообладание, сказал хриплым голосом:

– Потому что я тебя люблю.

Молнии поугасли. Лида уткнулась взглядом в стол. Принесли пиво. Я, копируя Лёхину привычку, залпом выпил бокал пива и попросил повторить. Лидкино молчание меня напрягало. Она выдержала поистине гроссмейстерскую паузу, потом гневно посмотрела на меня и выпалила:

– Мудак!

И расплакалась. Я такой реакции не ждал. Я подозревал, что она может посмеется надо мной, или скажет что-то типа «Я тоже типа люблю», или в крайнем случае, отшутившись, переведет разговор на другую тему. Но такой реакции я не ждал, это факт.

– Почему?

– Он еще спрашивает, почему! Да поздно уже. Неактуально! Чего ты ждал все это время?

– Я не ждал, я отказа боялся. Решимости не мог набраться, – признался я.

– А сейчас что, набрался?

– Да решил, что хватит тянуть кота за яйца.

– А чтобы совсем уж в накладе не остаться, заодно и за Ритой прихлестнул? Так, да?

– Э... – я действительно не знал, что ответить.

– Вот потому-то ты – мудак, – удовлетворенно сообщила Лида и залпом выпила бокал пива.

Да... Похоже она тоже знает Лёху.

Время летело незаметно. Я не мог отвести глаз от Лиды, а она,

захмелев, становилась более откровенной.

Мы уже довольно долго сидели в баре, разговаривали ни о чем – рассказывали о себе, об увлечениях, перемалывали кости сотрудникам. Лидке периодически кто-то звонил, и она выходила на улицу, чтобы поговорить. Возвращалась злая и возбужденная. Потом я задал ей вопрос, давно крутившийся на языке.

– А с Лёней ты как познакомилась?

– Я тогда в инжэке училась. Шла по Марата, пристали кавказцы какие-то, стали за рукава тянуть, в машину хотели затащить. Тут Лёня объявился. Кавказцы куда-то сразу испарились, а он предложил подвезти. Выпросил телефон, потом встретились. Вел себя очень галантно, ни на чем не настаивал. Ты не поверишь, но переспали мы первый раз примерно через год после первой встречи. Все это время Лёня мне помогал: с оплатой за обучение, с практикой, да по мелочам много всего было. Я стала себя увереннее чувствовать, как за каменной стеной...

Лида замолчала и удивленно смотрела куда-то поверх меня.

Я обернулся и кинул взгляд на вход. Там стоял Костя Панченко. Увидев нас, он решительно направился в нашу сторону.

Кирпич одиннадцатый

Руки в карманах, согбенные плечи, голова опущена так низко, что кажется у Панченко нет шеи. Бог ты мой, да ведь он мои ошибки повторяет! Я почувствовал себя Мохаммедом Али, против которого на ринг выпустили Алину Кабаеву.

– Стажер! Какими ветрами? – воскликнул я.

Костя не ответил. Подошел к нашему столу и хмуро, не глядя на меня, сказал Лиде:

– Лида, мне нужно с тобой поговорить.

– Нам не о чем с тобой разговаривать, – чеканя слова, ответила она.

– Здраваться не учили? – мрачно спросил я у Кости.

– Что ты там вякаешь, олух? – загорелся Панченко. – Сиди, не рыпайся.

– Что?! – взревел я.

– Ты еще и глухой? – с издевкой спросил Панченко.

– Да ты, стажер, вообще охуел? – уже спокойнее поинтересовался я.

Как там Лёха говорил? В спорах и словесных перепалках выигрывает более спокойный. Я спокоен. По крайней мере внешне. Но перепалки не получилось. Вмешалась Лида. Она встала и примиряющее обратилась к

нам:

– Ребята, успокойтесь. Костя, что ты хотел сказать?

– Я не буду при нем говорить, – сказал Панченко, кивком показывая на меня.

– Сергей, я выйду на улицу с Костей, мы все обговорим и я вернусь. Хорошо? – спросила она меня.

– Хорошо, – согласился я.

Лида направилась к выходу. Костя, не скрывая ликования, направился за ней. Да, словесную баталию я проиграл, это точно.

Закурил. Медленно потягивая пиво, ожидал возвращения Лиды. И когда прошло минут двадцать, забеспокоился. Расплатился по счету и вышел на улицу.

У входа стояла толпа молодежи: девчонки и парни лет семнадцати. Лиды с Костей среди них не было. Сердце, недовольное происходящим, быстро стучало. В горле пересохло. Я обошел здание, зашел под арку и увидел их.

Так самозабвенно целоваться можно, только зная, что где-то рядом бродит Резвей.

***

Домой ехал с твердым намерением нажраться. По пути зашел в супермаркет около дома, взял бутылку водки, банку маринованных огурцов, упаковку томатного сока и блок сигарет. Я чувствовал, что одной пачки не хватит.

Я не понимаю, что в Косте такого, чего нет во мне? Маленький наглый крысеныш. Вот оно! Ключевое слово «наглый». По здоровому наглый, захотел и взял свое. Я поймал себя на мысли, что не против того, если Леонид, Лидкин любовник, приедет и заберет ее. И при этом его охранники дадут Косте по шее. И покорила себя. Что за мысли? Словно малыш, потерпевший поражение в драке со сверстником и надеющийся на то, что сейчас придет великовозрастный хулиган с соседнего двора и отомстит обидчику.

У меня даже не хватило духу подойти к ним и выяснить отношения! Это же не интеллигентно, блин. А Костя, зная, что Лида не одна, тем более после ее отказов, все равно приехал и добился своего. Здесь и Лёхи не надо, чтобы понять, в чем мои ошибки и как надо было себя вести.

Дома лениво разделся, вымыл руки и поплелся на кухню. Нажираться,

так красиво. Водку поставил морозиться в холодильник, нарезал хрустящие огурчики, красиво разложил по тарелке. Рядом поставил графин с соком, пепельницу, сигареты, зажигалку, хрустальную рюмку, фужер для сока.

Потом перенес на кухню музыкальный центр и включил Дельфина. Его слова резали по живому:

«Это больше, чем мое сердце.
Это страшнее прыжка с крыши
Это громче вопля бешеного
Но гораздо тише писка забитой мыши
Это то, что каждый всю жизнь ищет
Находит, теряет, находит вновь
Это то, что в белой фате со злобным оскалом
По белому свету рыщет
Я говорю тебе про любовь.
Она сама по себе невесома
Она легче, чем твои мысли
Но вспомни как душу рвало,
Когда она уходила
Как на глазах твоих слезы висли
Она руками своими нежными
Петлю на шею тебе набросит,
Не оставляя ничего от тебя прежнего,
Сама на цыпочки встать попросит
Ты даже не сможешь ее увидеть
Ты никогда не заглянешь в ее глаза,
А думаешь о том как бы ее не обидеть
Не веря в то, что она действительно зла
Ты можешь с ней расцвести и засохнуть
Она сожрет тебя как цветок тля,
Но все равно лучше уж так сдохнуть,
Чем никого никогда не любя.
С ней хорошо, без нее как-то странно
Мне не хватает ее слез радости
Если она пришла, то тут же уходит плавно
Бросая в лицо какие-то гадости
Я держу свою дверь закрытой
Чтобы стучалась она перед тем, как ко мне войти
Чтобы не оказалась она той, мною давно забытой,
Той, с которой мне не по пути.»

Дослушав песню, вытащил из холодильника водку и сел за стол. Все, народ к разврату готов. Не хватает только женщин и собутыльника. Хотелось выговориться, а выговариваться в пустоту не хотелось.

Начал набирать номер Риты, но остановился, сбросил. Негоже, получив от ворот поворот от одной девчонки, мчаться к другой. Лёху видеть не хотелось. Сосед Вася? Да нет, он вроде пить бросил. Девочка Ксюша, с которой сегодня познакомился? Конечно, нет. И, который там час уже? С ума сойти, пол-третьего ночи! Какая может быть пьянка? Утром вставать в пол-седьмого, бегать, отжиматься и все такое. Нет, спать!

Быстро раскидал продукты в холодильник, почистил зубы и нырнул в кровать.

На удивление, забылся сном быстро и легко.

***

Проснулся так же легко, как и уснул. Вообще, разум словно включил какие-то защитные механизмы, и вся вчерашняя боль и страдание из-за Лиды начисто растворились в боевых планах на жизнь и, в частности, на сегодня.

Немного побаливали мышцы, а потому успехов в подтягивании и отжиманиях не было. Зато в беге я одолел на круг больше, чем вчера.

Далее по плану контрастный душ, завтрак и сборы на работу.

До выхода оставалось еще минут пятнадцать, я вышел на балкон и закурил.

Думаю, когда осилю двадцать подтягиваний и тридцать отжиманий, я могу смело идти в тренажерный зал без страха опозориться. Скорее бы. Жажда жизни охватила меня. Было очень горько за потерянное время. Пять лет убил ни на что! Обрюзг, обзавелся шикарным животом, так недалеко и до зеркальной болезни. Жены нет, девушки нет, детей – тоже нет. С ума сойти, если я прямо сейчас заведу ребенка, то когда он закончит школу, мне будет сорок пять лет! В квартире будто Мамай побывал, обшарпанные обои, затертый скрипучий паркет, заржавевшие краны.

На что я убил пять лет своей жизни?

– Су-ка! – заревел я белугой с балкона.

Испуганное воронье слетело с крыши и каркая, осмеивало мое потерянное время.

Все, баста! Больше ни одной потерянной минуты!

У Лидки с Панченко началась большая любовь. На работу приходили вместе, обнявшись, невыспавшиеся, но полные энергии и счастья. Да, я завидовал Косте, особенно первое время. Лида, судя по всему, разорвала с Лёней «Ткачём» ради Панченко – тут бы любой позавидовал, не только я, любивший её долго и безответно.

Но время шло, штормовые бури в душе поутихли, а потом и вовсе наступил штиль. Общаться с Лидой я стал сухо, официально и только по работе. Прошли ли мои чувства к Лиде навсегда? Я не знаю. Но произошедшее безусловно дало мне крепкий пинок, придав ускорение в моем саморазвитии. Уязвленное самолюбие, победно-злорадные взгляды Кости, одновременно поддержка и подначки Лёхи заставляли меня работать и работать над собой.

Я давно хотел заняться своей речью. Как я уже рассказывал, голос у меня не самый громкий, можно сказать тихий, да и дикция отнюдь не дикторская. Как говорил Наполеон, «кто не умеет говорить, тому карьеры не видать». Помните, как запросто Лёха увел меня из магазина пить пиво? Внешний вид у него тогда был неважный, но я-то пошел за ним! Сейчас я понял почему: речь! Говорить-то мы все умеем, но говорить уверенно, четко, увлекательно и, в то же время, логично может не каждый. И я не умел.

В интернете нашел несколько хорошо себя зарекомендовавших тренингов по риторике и ораторскому искусству и записался на один из них.

При графике занятий три раза в неделю у меня оставались еще четыре свободных вечера. Что там у нас по плану? По плану у нас – вождение и получение водительских прав. Вот и отлично. Записался в автошколу около дома.

Свободным осталось воскресенье. Лёха предложил по воскресеньям играть в футбол и ходить в сауну, на что я с радостью согласился. Как он сказал, и аэробная тренировка и отдых.

И еще легкий штрих в моё идеальное расписание – купленный оксфордский англо-русский словарь. Учить по десять новых слов в день представлялось мне делом нехитрым. А после вождения можно и на курсы английского записаться.

– Неплохо играешь, – заметил Лёха. – Занимался раньше?

– Да нет, в детстве много играл, – ответил я.

Мы сидели в сауне, неторопливо потягивая холодное пиво. В футбол я сегодня играл впервые после семилетнего перерыва, но ежедневный бег по утрам помог не выдохнуться на первой же минуте. Попал я в одну команду с Лёхой, он стоял на воротах, а меня поставили в защиту, где я и отыграл весь первый тайм. Потом переставили в нападение – видимо понравилась моя обводка и поставленный удар.

Играли в мини-футбол, пять на пять, и позиция «нападающего» была номинальной – отрабатывать приходилось по всему полю небольшого спорт-зала.

Мы уже попарились, отдохнули с девочками и вели размеренную беседу.

– А гол ты классный забил, их вратарь даже не шелохнулся, – сказал Лёха. – Ты меня в последнее время вообще часто приятно удивляешь.

– В смысле?

– В прямом. Движешься семимильными шагами, как будто боишься куда-то опоздать. Молодец, в общем. Еще есть чем похвалиться?

– Заканчиваю курсы ораторского искусства. Хожу после работы, три раза в неделю.

– А это еще зачем?

– Чтобы говорить красиво.

– Цицерон, блин, – улыбнулся Лёха. – Меня бы попросил, я бы тебе эти месячные курсы в два занятия уложил. На «стрелке» был когда-нибудь?

– Слава богу, не приходилось.

– А зря, кстати. Вот там ораторское мастерство оттачивается ускоренными темпами, а излишняя риторика, что по сути – пустословие и болтовня, заменяется на логику и уверенность. Ты знаешь, есть такие мужики, в легкую докажут тебе, что черное – это красное. И ты согласишься.

– Возможно, но для меня это пока не актуально. В автошколу записался, – продолжил я.

– Давно пора! Железного коня еще не присмотрел?

– Для начала возьму что-нибудь наше, не новое. А то новую тачку разбивать жалко.

– Ты опять за прежнее? – воскликнул Лёха.

– Не понял, – удивился я.

– Новую разбивать жалко, – передразнил он меня. – Ты еще машину не купил, права даже не получил, а уже не сомневаешься, что попадешь в

аварию!

– А вдруг? Мало ли... – возразил я.

– А страховка на что? А глаза, чтобы видеть и голова, чтобы не забывать пристегиваться? Разобьет он. Все аварии – это следствие лихачества и невнимательности. Ты лихач и разиня?

– Нет.

– А раз нет, бери сразу нормальную тачку. Чтобы перед девчонками не позориться.

– Да какие там девчонки! – сказал я. – Мне на работу и с работы только!

– А на работе девчонок нет, – прищурившись, ухмыльнулся Лёха. – Я тебя правильно понял?

– А на работе больше нет. У Ритки новое увлечение, а Лида с Панченко сейчас.

– Да ты что! – удивился Лёха. – Ну и ну! Стало быть – ты снова один?

– Один, Лёха. Да и времени у меня на девчонок нет: работа, курсы всякие...

– Серега! – торжественно перебил меня Лёха. – На девчонок время всегда есть!

Лёха неисправим. Порассуждав о прелестях женского пола, он неожиданно перескочил на другую тему.

– Слушай, ты мускулами обрасти не хочешь?

– Хочу, – загорелся я. – А как?

– Как... Я не золотая рыбка, так что ответ один – качаться. Подкачаешься, обрастешь мясом, потом не грех и на рукопашку записаться. У меня такой тренер знакомый есть... – Лёха мечтательно закатил глаза. – Брюса Ли он из тебя, конечно не сделает, но драться научит. Хочешь?

– Конечно, – не сомневаясь, ответил я.

– Вот и договорились. Закончишь свою школу риторики, получишь права и самое время заняться физическим развитием... Правда уж как-то резво ты начал. Теперь важно не утратить пыл, не терять интерес. Смотри, не загони себя. В таком-то темпе.

Лёха задумался. Я понял, что он имел в виду. Но объяснять ему, что заставило меня войти в такой ритм мне не хотелось. Выкинутые из жизни пять лет – это моя личная трагедия. У кого-то может и есть время развиваться постепенно, не гоня лошадей, но только не у меня.

Продуктивный разговор получился. Да что там лукавить, с Лёхой любая пьянка превращалась в продуктивную беседу. Он словно готовил кирпичи, а мне оставалось лишь найти им место.

Дверь приоткрылась, оттуда высунулась лукавая девчачья мордашка:
– Мальчики, повторить не хотите?
– Хотим! – дружно заорали мы.
Кирпич двенадцатый

В новом, ужесточенном ритме, время летело быстрее. Как я и предполагал, уже через месяц я смог отжаться тридцать раз, а подтягиваться стал, как и раньше, не меньше двадцати за подход. Так что в тренажерный зал пошел без особой боязни того, что меня засмеют.

Тренер, невысокий коренастый мужичок в спортивке, показал, где переодеваться. Лёха, который порекомендовал мне этот зал, сказал, что его зовут дядя Миша. «Серёга, ты не смотри на то, что зал находится в подвале, или что тренажеры там не новые. Дядя Миша свое дело знает, а железо – оно везде одинаковое», – спросил он.

Результат, Лёха, результат. Дядя Миша так дядя Миша.

Зал действительно непрезентабельный. Но цены божеские, а когда дядя Миша узнал, что я от Лёхи, то сразу как-то потеплел и повел к себе в каморку.

– Лёшка? Верняк? Это же мой ученик, начал бы он не так поздно – больших успехов бы добился в культуризме, – рассказывал Михаил. – А пришел к нам такой щупленький, забитый, ну как ты примерно.

– А Алексей давно у вас тренировался? – спросил я.

– Лешка-то? Года полтора, как перестал ходить. Ну ладно, давай к делу. На что хочешь работать? На силу? На массу? Или на рельеф?

Вот это новость. Я то думал эти атлеты просто бездумно железки тягают да стероиды жрут.

– А разница-то в чем?

– Система тренировок различная. Ну, на рельеф тебе пока рано работать, не из жира же рельеф будем складывать, – улыбнулся дядя Миша. – Поэтому предлагаю сначала набрать мышечную массу, поработать на силу. Заниматься будем раз в четыре дня.

– А что так редко? Я слышал, некоторые занимаются чуть ли не каждый день, – спросил я.

– Пойми простую истину – мышцы не растут сразу после тренировки. Двое-трое суток они восстанавливаются. Если тренироваться каждый день или через день, то времени для роста у них не будет совсем. Усвоил?

– Усвоил.

– Вот и отлично.

Тренировка заняла около сорока минут. Дядя Миша сказал, что хватит

одного подхода на каждое упражнение с максимальным отягощением. Кроме того, добавил он, лучше не перенапрягаться, лучше чуток не доработать, зато потом с большим желанием придешь на следующую тренировку.

После тренировки он ушел к себе, а я остался разносить «блины» и гантели по своим местам. Закрыв шкафчик с «железом», оглядел напоследок зал и на выходе услышал за спиной:

– Слышь, ты, покачался?

Я обернулся. Невысокий лысый плотно накаченный парень, вытирая лоб полотенцем, открыто скалился.

– Покачался, – ответил я.

– Ну ты это... Качельки убери за собой, – заржал лысый, которого моментально поддержали хохотом другие «качки».

– А вы что, качаться не будете что ли? – спросил я в тон ему, дождавшись затишья.

Хохот затих. Лысый отложил полотенце, встал и подошел ко мне. Нелегко было не отводить глаз от налитых кровью глаз лысого, но у меня получилось. Я замер, просчитывая обстановку. Но все решилось проще:

– Иван, – сказал лысый, разряжая обстановку, и протянул мне руку.

– Сергей, – ответил я.

Рукопожатие было коротким, но крепким. Иван оценивающе обвел меня взглядом и вернулся к тренажером. Остальные, утратив интерес, продолжили тренировку.

После душа я зашел к дяде Мише попрощаться. Он что-то писал в тонкую, засаленную тетрадку, но увидев меня, закрыл тетрадь и сказал:

– Сереж, чем-то ты мне напоминаешь того Лешку, пришедшего к нам в первый раз. Постарайся в отличие от него, не прекращать тренировок. А потом втянешься.

Напоследок он порекомендовал хорошо питаться и налегать на пищу, богатую белками.

***

На вечерний Большой проспект я вышел посвежевшим и воодушевленным. Шел мягкий, оседающий на ресницах, снег. Перекинув сумку через плечо, я направился к закусочной через дорогу, чтобы перекусить и выпить свежесжатого сока.

Внутри светло и уютно. Я сделал заказ и стал разглядывать

окружающих. Справа сидят парень с девушкой, скорее всего у них первое свидание. Такой вывод я сделал на том простом основании, что парень напряженно, с деланным энтузиазмом (вот сейчас, сейчас будет смешно!) рассказывал анекдот. Девушка внимательно слушала, видно, что анекдот ей известен, но правила хорошего тона не позволяют перебить собеседника. Поймал себя на мысли, что я бы вел себя иначе. Это же первое свидание, а тут важнее заинтересовать собеседника, вести диалог, а не пытаться забить разговорные пустоты бородатыми анекдотами.

При первом общении с девушкой лучше отказаться от роли шута, такого веселого компанейского парня, травящего анекдоты и веселые истории одну за другой. Гораздо проще и продуктивнее общаться с ней, задавая вопросы и, в свою очередь, отвечая на них. Самое главное, как говорил Глеб Жеглов, интересоваться искренне. А если девушка тебе нравится, то искренне интересоваться её жизнью – не самая сложная задача.

Но этот парень пошел явно не тем путем. Вот уже все анекдоты рассказаны, предпринята попытка рассказать о друге Мишке с параллельного потока, который – вот умора! – покрасил волосы в красный цвет. Девчонка явно скучает. Ей нафиг не нужен красноволосый Мишка, ей интересен этот перец, сидящий перед ней, но он совсем ничего не рассказывает о себе и совсем ничего не спрашивает. Эх...

А вот слева сидит еще одна девушка, она лениво потягивает сок и читает книгу. Её волосы мешают мне разглядеть лицо. Почувствовав мой взгляд, она обернулась. Вскользь прошла по мне и вернулась к чтению. Её лицо показалось мне знакомым. А потом я вспомнил, хотя это стоило немалых трудов. Ксения! Девушка, с которой я познакомился на остановке в тот вечер, когда встречался с Лидой. Интересно, узнала ли она меня? Вряд ли. Хотя, это же легко проверить! Недолго думая, я встал и подошел к ней.

– Здравствуйте, Ксюша! – поздоровался я. – Помните меня?

– Здравствуйте. Нет, если честно, – удивленно протянула она. – А мы знакомы?

– Я вас тоже не сразу узнал, – признался я. – Помните, чуть более месяца назад, вечером на остановке...

– Да-да-да! – улыбаясь, перебила она меня. – А я думаю, вроде бы видела вас раньше, а где именно, не помню. Садитесь, – сказала она, глазами показывая на стул.

Я сел. Ксения отложила книгу, а я подумал, что кроме бородатых анекдотов мне на ум ничего не приходит. Черт. Как там говорила Миа

Уоллес в исполнении Умы Турман? Неловкое молчание. Неловкое. Молчание. Я на миг задумался, а потом представил, что знаю Ксюшу лет десять, улыбнулся и спросил:

– Как дела?

Мне на самом деле было интересно, как её дела.

***

Мы долго просидели в этой закуской. Оказалось, что Ксюша живет недалеко от нее, и регулярно после института сюда заходит. Да, что ни говори, а Питер все-таки маленький город. Мы беседовали по большей части, рассказывая друг другу о себе.

Ксюша учится в институте культуры на последнем курсе. Она – среднего роста, кареглазая брюнетка с очень милым личиком. Мне как-то сразу понравилось быть в ее обществе, она была ненавязчива, с интересом меня слушала, рассказывала аналогичные примеры из своей жизни, давала очень дельные советы. Я не чувствовал в ней притворства, фальши, а только тепло и искренность.

А потом я вызвался её проводить, и она согласилась.

Я наслаждался ситуацией: чертовски упоительно идти с красивой интересной девушкой, наслаждаясь мягким декабрьским снегом. После хорошей тренировки получившие нагрузку мышцы приятно ноют, а в голове уже не сладкие мечты, а реальные планы того, как я наберу «мяса», и можно на рукопашку. Но это в будущем, а сейчас все внимание Ксюше.

Возле ее подъезда мы остановились, и я закурил сигарету. Ксения не курила.

– Спасибо за приятный вечер, Сережа, – сказала Ксения. – Мне пора.

– Мне тоже было очень приятно, Ксюша. Мы еще увидимся?

– Почему бы и нет? Мой телефон ты знаешь, звони..., – она запнулась, схватила меня за локоть и затащила меня в подъезд.

– Что такое? – удивился я, и тут же получил ответ на свой вопрос.

Мне в колено ударил снежок – плотный, тяжелый и твердый. Следом за ним влетело еще два. Что за черт? Сделал шаг на выход, но Ксюша остановила меня.

– Сережа, не надо. Это Захар.

– Парень твой?

– Нет... Да... Бывший. Мы год как расстались, но все не успокоится.

– А давай я поговорю с ним?

– Что ты! – испугалась Ксюша. – Он сумасшедший, и один не ходит никогда...

Не успела она договорить, как Захара я увидел воочию. Копия Кости Панченко: невысокий, худощавый. Щеки впалые, глаза близко посажены. Рядом два таких же

– Я тебе говорил, шалава, чтобы ты ни с кем не гуляла? – зарычал он.

Ну, пора включать все, чему я научился за последнее время.

– Молодой человек, ведите себя прилично, – как можно спокойнее и увереннее сказал я. – Не на базаре находитесь.

Вежливость, уверенность и спокойствие – ключевые моменты в конфликтных ситуациях. Жаль, но на Захара мои ключевые моменты абсолютно не подействовали. Он удивленно вылупился на меня, сплюнул и спросил у Ксении:

– Чё за мудень? И почему он все еще тут?

– Захар, прошу тебя, уйди..., – начала Ксюша, но я её перебил.

– Слушай, Захар или как там тебя. Мне пофиг кто ты и что ты, но если эта девушка тебе не безразлична, сделай то, что она просит.

Умом я понимал, что страх и стресс – плохие помощники, но организм не желал прислушиваться к разуму: сердце забилось быстрее, голос подсел, руки мелко затряслись. Да уж. Самоконтроль ни к черту. Что же, теперь важно не выдать эмоции. Я подумал, что хорошо бы избежать драки, ведь одному против троих мне не справиться, да и навыков нет абсолютно. Как же это не кстати.

– А че ты за ее спину прячешься, а? – возмутился Захар. – Ты, бля, овца, а ну, пойдем побазарим!

Он схватил меня за шиворот и потащил на улицу. Горло пересохло. Сердце выскакивало из груди, как у перепуганного кролика. Появилась мысль о том, что бить будут по-любому. А раз исход один, то теперь главное не опозориться в Ксюшиных глазах и повести себя как мужчина.

И снова, как тогда у кинотеатра, рука автоматически сжалась в кулак, рука метнулась вверх, а костяшки состыковались с захаровским подбородком. Его голова мотнулась назад, а изо рта полилась кровь. Кажется он откусил кончик языка. Он взвыл, помотал головой, сплюнул сгусток крови, а его товарищи стали приближаться ко мне со спины.

Мне повезло. Ксюха завопила погромче любой автомобильной сирены. Стали открываться окна, и Захар с корешами, пообещав, что «мы есь встйетимся», ретировался. В общем-то, я легко отделался.

– Что, Ксюша, опять Захар? – высунувшись из окна, спросила какая-то старушка.

– Он самый, – вздохнула Ксюша. – Не угомонится никак.

– А что, часто такое? – поинтересовался я.

Мною двигало не только любопытство, но и капельки зарождавшейся ревности. Часто ли её провожают парни, интересовало меня, а не то, как часто Захар устраивает подобные сцены.

– Редко, но метко, – ответила Ксюха.

На том спасибо. Попрощались в подъезде, я попытался её поцеловать, но она увернулась, сама чмокнула в щеку и исчезла в лифте.

Еще один кирпич? Пожалуй. И как довесок к нему – твердое желание заняться рукопашной борьбой. Или самбо. Или боксом. Неважно. Ведь в следующий раз может так не повезти.

Кирпич тринадцатый

До Нового года оставалось меньше месяца. Настроение у всех предпраздничное, все бегают, суетятся. Такое ощущение, что в декабре у всех включаются внутренние резервы, работа кипит, отношения доброжелательные. Все хотят решить накопившиеся задачи, раздать долги, словом, успеть сделать все, на что не хватало времени в течение года.

У меня полная душевная гармония, этакое перманентное состояние счастья. Я добился практически всех целей, что ставил перед собой в начале октября.

После работы позвонил Лёхе.

– Здорово, студент! – заорал он в трубку. – Обмываем права?

– А то! В девять в «Кирпичах», устроит? – спросил я. – Я не один приду, с девушкой.

– Ого! Смотрины что ли? – заржал он. – Приводи, оценим. До связи!

– До связи! – сказал я и отключился.

В автошколе в своей группе я, наверное, был одним из самых старших. Группа состояла в основном из студентов, немного разбавленных парой-тройкой дам за тридцать и мною. Это наложило свой отпечаток на все занятия. Студенты халтурили, подкалывали преподавателя и клеились к взрослым дамам. Вместе с тем, схватывали они все на лету и не гнушались помочь или что-то объяснить «старикам». Нередко мы после курсов шли в близлежащий бар, чтобы пропустить по паре кружек темного.

В такой атмосфере обучение пролетело быстро, а экзамены я сдал с первого раза.

Так что в плане на этот год напротив пункта «Водительские права» я поставил галочку. Еще одна цель достигнута.

Курсы ораторского искусства и риторики оказались не фикцией. Я

научился не только доходчиво излагать свои мысли, но и грамотно управлять интонацией, расставляя акценты именно там, где надо. Дикцию мне поставили. Не Левитан, но прогресс очевиден.

В строительстве тела добился определенных результатов. Прибавил пару килограммов, спокойно тягаю железки, которые были неподъемны для меня в первое занятие.

Сдружился с Иваном. Он приехал из какой-то деревни под Саратовом, учился в институте, к сожалению не доучился. Парень он открытый и прямолинейный, и настолько ненавязчивый в общении, что мне сразу же захотелось с ним сдружиться.

Потом мы не раз вместе пили пиво: я, Лёха и Иван. Они быстро нашли общую тему для разговора – оба качались под руководством дяди Миши.

В общем, жизнь оказалась приятной штукой, я забыл ощущение депрессии и апатии, домой приходил уставший, но очень довольный собой. Тем более, в мой график вмешалась Ксения, с которой было просто приятно проводить время. Мы виделись каждый день, после моих курсов или тренировок. Потом я провожал ее домой, где мы еще с час болтали в подъезде, но за все это время она так ни разу и не дала себя поцеловать. Положительной стороной было то, что и Захара я больше не встречал.

***

После обеда я внимательно изучил бумаги текущего проекта и понял, что чего-то не хватает.

– Константин, можно вас на минутку? – обратился я к Панченко.

Костя резко отодвинулся от стола, встал и подошел ко мне. Челюсти пытаются пережевать жвачку, руки в карманах, развязная поза, в общем – воплощенное презрение.

– Чё?

– Вы подготовили маркетинговое исследование?

– А ты чё, придраться решил? Ну, подготовил. Лиде уже сдал.

– Так. Скажите мне, кто ведет этот проект?

– Ну, допустим, ты.

– Не допустим, а так и есть. Сейчас же принесите мне отчет.

Лида, внимательно нас слушавшая, встряла в разговор:

– Резвей, чего ты к словам цепляешься? Он сдал мне отчет, но я его не могу найти.

– Так в чем проблема, Константин? У вас же осталась электронная

копия? Распечатайте еще раз и принесите мне.

– Ладно, – ответил Костя и вернулся за свой компьютер.

Прошло пятнадцать минут, а Костя, казалось, совсем забыл о моей просьбе. Конечно, я мог добиться своего гораздо более простым путем, например, пригрозив Косте тем, что пожалуюсь шефу. Но это была бы локальная победа. Да, возможно я даже добился бы увольнения Панченко. Но авторитета бы этим себе не прибавил.

– Константин! Будьте добры, поторопитесь!

– Ща, чё ты распереживался, – сказал Костя. – Усё будет!

Кравцов, Бородаенко и Гараян тихо хихикали. Ну, черт, ты, Костя, сам напросился.

– Иди сюда, Панченко, – вертя в руках ручку и разглядывая её, тихо попросил я.

Немного подумав над моим предложением, Костя подошел.

– Костя, даю тебе минуту на то, чтобы ты выплюнул жвачку, вытащил руки из карманов, распечатал отчет и сдал его мне. Уложишься?

Именно этого Костя и ждал. Он давно хотел довести меня и выяснить отношения. Именно поэтому он как-то особенно радостно завопил:

– Да пошел ты на хуй, чмошник!

Думал ли Костя, что я тоже этого жду? Вряд ли. Наверное поэтому он удивился, когда я спокойно встал, обошел стол, ухмыльнулся ему в лицо и за галстук потащил его на выход. Он отбрыкивался, а за нами возбужденно галдя, шли остальные. Я вывел его на лестницу, пихнул под зад и спустился вслед за ним.

Мы прошли мимо удивленного вахтера Жорика и вышли на улицу. Мороз ударил по щекам, но прилившая кровь горячила сердце. Впервые в жизни мне захотелось подраться. Нас окружили набежавшие сотрудники. Я снял пиджак и кинул Гараяну. Костя поступил так же, только в роли его оруженосца выступил Бородаенко.

Мы стали кружиться друг вокруг друга.

– Ну давай, чмо, давай, попробуй, – подзадоривал себя Костя. – Иди, сосни у меня, лошок.

– Ты мне сейчас за все ответишь, крысеныш, – не отставал я, стараясь сохранять спокойствие.

Но вмешалась Лида.

– Да разнимите вы их! – закричала она.

Мужики, как будто очнувшись от гипнотизирующего танца, разом кинулись нас разнимать. Жорик с Бородаенко скрутили Костю и повели из распавшегося круга. Костя вырывался и выплевывал проклятия в мой

адрес: «Отпустите меня! Я его порву щаз!».

Я стряхнул насевшего Кравцова, взял у Гараяна пиджак и спокойно пошел к офису. Ну что же, не сегодня, так в другой раз. Шел и улыбался про себя, так как за спиной слышал уже обросшую фантастическими подробностями байку о том, как я раскидал толпу скинхедов, отделавшись ушибленным носом. Приятно, черт возьми!

***

Вечером, как и договаривались, я с Ксенией пришел в «Кирпичи». Мы заняли столик в дальнем углу, заказали графин водки, вино для Ксюши и море закуски. Еще через минут пять подъехали Лёха с Иваном. Они были в своём репертуаре – привлекая внимание и скалясь, подошли к нам и плюхнулись на стулья.

– Привет! – сказал Иван.

– Здорова, Серёга! – гаркнул Лёха. – Здравствуйте, милая девушка...

– Ксюша, знакомься, это мои друзья – Алексей и Иван, – вспыхнул я.

Они пожали друг другу руки. Лёха подмигнул мне и тайком показал большой палец. Понравилась, значит. Да и Бог с ним, гораздо важнее то, что Ксюша нравится мне, а Лёхино мнение мне хоть и дорого, но никак не в этом вопросе.

Иван разлил водку, налил вина Ксюше и провозгласил тост:

– Ребята, я всех вас знаю совсем недавно, но, поверьте мне, у меня нюх на хороших людей. Сергей, ты не просто хороший человек, ты очень добрый человек, а в наше время такие на вес золота! Давайте выпьем за Сергея, за его водительские права и за его чудесную девушку Ксению!

Ксюша потупила глаза, а мне на душе стало настолько приятно, что счастливее меня в этом баре никого не было. Как же все-таки это упоительно: лучшие друзья, любимая девушка, отличный стол и теплая-теплая атмосфера. Хорошо! Мы чокнулись и выпили. Лёха крикнул и закусил маринованным огурчиком.

– Ну, как говорится, – сказал он, – между первой и второй наливай еще одну!

Иван тут же разлил по новой.

– Слушай, Серега, – обратился ко мне Лёха. – Давно хотел спросить, да забывал постоянно. Наверное, и Ксюше с Иваном будет интересно. Откуда у тебя фамилия такая – Резвей?

– А очень просто. Предки Резвыми были, ровно до тех пор, пока мой дед не получил паспорт. Открывает он его, а там – Резвей. Что интересно, его брат так и остался Резвым.

– О! – воскликнул Лёха. – У меня тост созрел!..

И мы выпили за Лёхин тост. А потом еще. И еще. Следом мы заказали два графина, а Ксения, ратовавшая за трезвый образ жизни, поддалась Лёхиным уговорам и перешла с вина на водку. Под хорошую закуску и веселые дружеские душевные разговоры, ледяная водочка шла легко и благостно. Тем удивительнее было, что никто не упился до состояния риз.

Ксюша все больше слушала, но если открывала рот, то в тему и по делу, чем заслужила Лёхино уважение, о чем он ей так прямо и заявил.

Вечер близился к завершению, когда Лёха сделал неожиданное предложение:

– Ребята! Есть идея устроить нашему новоиспеченному водиле еще один экзамен на вождение! Спонсором экзамена будет моя скромная персона, которая предоставит для испытаний свои колеса.

– Лёха, ты в своем уме? – удивился я. – Я с тобой за разбитый Туарег не расплачусь!

– Ты опять за своё? – грозно поинтересовался Лёха.

Я умолк. Действительно, что это я? Мне выдали права, официально, без взяток, значит ездить я умею.

– Поехали! – с энтузиазмом сказал я.

И мы поехали. Лёха показал, как управлять автоматической коробкой передач, посадил меня за руль, сам сел рядом. Сзади сели Ксения с Иваном.

Завел машину, тронулся и, постепенно набирая скорость, помчался по полупустым улицам Питера. Никогда не думал, как это восхитительно, мчаться со скоростью ветра по ночному городу, слушая подначки друзей и тревожные просьбы любимой девушки ехать помедленнее.

За окном проносились светящиеся вывески, а я думал о том, что друзья, без тени сомнения вверили мне, только получившему первые в своей жизни водительские права, свои жизни, а Лёха доверил свой не самый дешевый джип. И никто даже не пристегнулся! Глупо, конечно, но я был на пике своего счастья.

Вволю накатавшись, повезли Ксюшу домой. Чтобы не будить её домашних, остановились чуть поодаль, и я пошел проводить её до подъезда. Иван с Лёхой тактично остались в машине.

Мы подходили к подъезду, когда от стены отделились три тени и резко направились к нам. Я только успел отпихнуть Ксюшу за спину, как на меня посыпались удары – мелкие, злые, чувствительные. «Не вставать,

лежать», – мелькнули в голове Лехины слова. В таких ситуациях, говорил он, при превосходящих силах противника надо прикрыть все жизненно-важные органы и ни в коем случае не делать попыток встать.

Ксюша в голос заорала, а я чувствовал как меня бьют по голове, ногам, рукам, спине – везде, куда можно достать. Удары прекратились так же неожиданно, как и начались. Я пришел в себя, огляделся и увидел валяющихся и корчившихся от боли Захара и его товарищей. Иван успокаивал Ксюшу, а Лёха протягивал мне руку. Я встал.

– Повезло тебе, что не один был, – сухо заметил Лёха. – За что они тебя так?

– Это её бывший, – кивнул я в сторону Ксюши. – Всё не успокоится.

– Кто именно?

– Вон тот, – показал я на Захара.

Лёха подошел к нему, перевернул носком ботинка на спину, схватил за куртку и резко поднял. Захар выплюнул выбитый окровавленный зуб. Его товарищи расползались в темноту.

– Как тебя зовут? – спросил Лёха.

– Захар, – ответил тот, шатаясь.

– Значит так, Захар. Погоняло Верняк тебе о чем-то говорит?

– Слышал, – уважительно отозвался Захар.

– Вот он, – Лёха показал на меня, – его друг. Так что, если не хочешь проблем, забудь сюда дорогу, забудь эту девушку и забудь этот разговор. Уяснил?

Захар кивнул.

– Свободен, – сказал Лёха.

Захар, сопровождаемый нашими взглядами, исчез в темноте. А мы проводили Ксюшу до квартиры, попрощались и поехали по домам. Лёха предложил отвезти меня в больницу, но я чувствовал себя сносно, видимо удары смягчила моя дубленка.

Уже дома я задумался – как так-то? Двадцать семь лет обходился без драк, а тут за последнее время уже четыре: фиктивная с Щербатым, прерванная соседями с Захаром, несостоявшаяся с Панченко и вот сегодня. Три победы и одна ничья – неплохой результат для новичка. Возможно, в будущем я приду к тому, что лучше избежать драки, чем победить в ней. Но пока – мне это необходимо.

Я укоризненно покачал головой и пошел спать.

Кирпичи тяжелы

Ближе к Новому году я начал посещать тренировки по рукопашному бою, чередуя их с посещениями тренажерного зала.

На рукопашке мой тренер – коренастый кореец Виталий Цхай – сначала поставил мне удар. «Всем телом двигаешься, Сергей, всем», – говорил он. Разминка в бешеном темпе, отжимания на кулаках, доведение до автоматизма «двоечек» и «троечек»...

Левой, правой – бэм, бэм! Левой, левой, правой! Апперкот! Левым коленом, уход, правой! Я представлял Костю Панченко и озверело молотил грушу, так, что Цхай одобрительно кивал.

В общем, на тренировках я выплескивал колоссальный объем нерастраченной в офисе энергии, а тренировался я как проклятый. После занятий я умиротворенный возвращался домой или встречался с Ксюшей.

Поняв, что качаться и ходить на рукопашку буду не один месяц, я уплотнил график и записался на курсы английского. Сюрпризом стало желание Ивана записаться вместе со мной. На курсах он с жесточайшим акцентом произносил английские слова, заставляя морщиться преподавателя и давиться от смеха всю аудиторию. «Ай хэв сри бразерс энд уан систер», – невозмутимо сообщал он, – «Энд вы хэв биг хауз ин Васильевка».

В общем, было весело. А потом, я окончательно забил свой график, купив абонемент в бассейн. Плавание – хорошая аэробная тренировка.

У Ксюшки приближалась зимняя сессия в институте, и видаться мы стали реже. Удивительно, но я её так ни разу и не поцеловал. Тургеневская девушка какая-то, ей-Богу. Она никогда не приглашала меня домой, а сама на мои приглашения неизменно отвечала отказом. Мне кажется, после Захара у её родителей заведомо предосудительное мнение о всех Ксюшиных кавалерах. Иначе почему бы ей меня с ними не познакомить?

А на работе вообще чудеса происходят. Кацюба расщедрился и ради празднования Нового года снял роскошный ресторан. Гараян подрался с Бородаенко, а Лида якобы изменила Косте с Кравцовым, о чем Кравцов по пьяни незамедлительно по секрету всем поведал.

Панченко ходил мрачнее тучи, а потом поставил Кравцову фингал. В итоге выяснилось, что никто никому не изменял, а Кравцов форсу для прихвастнул.

На новогоднюю корпоративную вечеринку я предложил Ксении пойти

со мной. Она сразу согласилась, а Лёха ради такого случая выписал мне доверенность и выделил свой Туарег. Ксюша помогла мне выбрать костюм, галстук и новый парфюм.

Так что, к вечеринке я подошел во всеоружии.

***

Официальная часть мероприятия откровенно затянулась. Кацюба пересказал нам всю историю фирмы, похвалился нашими успехами за год и зачитал поздравления от предприятий-партнеров. Потом стал вызывать нас по одному, чтобы вручить подарок.

Мне во второй раз за два года подарили тостер. Отдел кадров, готовивший подарки сотрудникам, безо всяких сомнений, стоило расформировать и уволить ко всем чертям. Скажите мне, зачем мне два тостера? Зачем? У меня нет своей закуской, и уж тем более нет кондитерской лавки.

Напротив меня сидел Левон Гараян, который к окончанию официоза опустошил две тарелки с салатами, прервавшись лишь на получение подарка. Ему повезло не больше чем мне, поскольку в подарок он получил фотоаппарат. Снова.

– Махнемся? – спросил я Левона.

– Легко! – согласился Левон, и мы торжественно обменялись подарками.

Лидка, сидевшая рядом, зашикала на нас. Должны были объявить её. Поскольку Фрайбергер была последней в списке, после вручения подарка Лиде официальная часть вечера закончилась.

И понеслась! Официанты не успевали обновлять графины с водкой и коньяком, а стоявший около Гараяна парень из обслуживающего персонала окончательно запыхался, не успевая подносить новые тарелки. Бородаенко быстро навкидался и стал приставать к девчонкам-дизайнерам. Панченко ходил гоголем, выпячивая грудь и выпивая с каждым, кто предлагал. Шеф объявил, что Костя прошел испытательный срок и принят на работу.

Потом начались медленные танцы. Ксению пригласил Гермес Саахов, наш видеоинженер, а я оживленно беседовал с Левоном, когда кто-то тронул меня за плечо. Сзади стояла Лидка.

– Пойдем, покурим? – предложила она.

– Идём, – подумав, ответил я.

Пока Ксюша кружится в танце с Гермесом, можно и покурить.

Мы вышли на улицу, даже не накинув пальто. На улице было морозно, я зябко поежился. Вытащил сигарету, угостил Лиду и подкурил.

– Как дела? – спросила Лида.

– Отлично, – ответил я. – Как у тебя?

– Нормально все, Резвей, нормально, – вздохнула она. – Я ведь любила тебя, Сережа. Сильно любила. Но боялась спугнуть тебя, все ждала, когда ты первый шаг сделаешь. Ты робкий такой был. Потом ты изменился, и я дождалась вроде наконец, но чувства к тому времени угасли.

Я нервно затянулся, шокированный её признанием.

– Ты извини за тот вечер... – продолжила она. – Мне Костя тогда приглянулся, а то, как он себя вёл в тот вечер, отчаянно, как-то по-звериному... В общем, я не устояла. А жаль. Повезло твоей новой... Как её?

– Ксения.

– Ксения..., – задумчиво повторила она, – надеюсь Ксения у тебя не задержится, Серёж. Я не против попробовать еще раз.

– Что попробовать? – не понял я.

– Для начала – просто встретиться. А дальше будет видно, – ответила Лида и протянула мне руку. – Друзья?

Ответить я не успел. Сзади налетел Панченко с возгласом «Вот вы где!» и с разбегу ударил меня ногой в спину. Я слетел с крыльца, сгруппировался и вскочил на ноги, готовый к бою.

– Не здесь, – сплюнул я. – Пойдем в парк.

– Я тебя и здесь могу, и в парке урою, – ощерился Панченко.

Лида не шевельнулась, когда мы направились в сторону парка. Мысленно я порадовался, что не сильно напирал на спиртное и салаты. От Кости разило перегаром, так что у меня уже есть преимущество. Я не чувствовал мороза, адреналин мощными порциями выбрасывался в кровь, но разум был ясен.

Вышли на освещенное место, секунду помолчали. Меня окутала пелена спокойствия: я уверен в себе и в своей правоте.

– Ну, сука, готовься асфальт грызть, – прорычал Костя и кинулся на меня.

– Где ты тут асфальт нашел, мудила? – поинтересовался я, уклоняясь влево, и одновременно правой ногой подсекая Панченко.

Он кувыркнулся, но тут же встал и снова бросился на меня. Ё-моё! Это

же груша! Пьяная груша с легко просчитывающейся траекторией движения. Ложный замах левой, еще раз, потом боковой правой, в скулу. Костя отшатнулся, а в его глазах появилось недоумение. Скула стремительно багровела – верный признак того, что я попал.

Теперь, наращивая преимущество, притягиваю его голову за волосы и резко коленом в нос, апперкот правой и завершающий в пах, ногой.

Все. Бой окончен. Костя, что-то ноя, валяется на земле в позе младенца, а я наконец нашел время оглядеться.

Собрались все. Лида восхищенно, а Ксюша укоризненно смотрят на меня. Кацюба недовольно качает головой.

Первым не выдержал и нарушил всеобщее молчание Степаныч.

– Да что же это такое! На таком празднике! – заканючил он. – Резвей! Я к тебе обращаюсь!

Я поднял голову, и что-то в моих глазах заставило Степаныча заткнуться. Кто-то суетился вокруг Кости, ко мне подбежала Ксюша, и последнее, что я запомнил, были слова Степаныча «Резвей, считай, что ты уволен! После праздников – за расчетом!».

Что ж, посмотрим. Не думаю, что шеф уволит меня не разобравшись.

Мы оделись и ушли с этого праздника жизни. Я так понял, что Панченко предстал этой жертвой перепившего Резвея, потому что все крутились вокруг него и жалели. На меня все, кроме, пожалуй Лидки, кидали злобные взгляды и шептались за спиной.

– Куда поедет? – поинтересовалась Ксюша.

– Может ко мне? – с надеждой спросил я.

Ксюша на мгновение задумалась, а потом прильнула губами к моим. И это был самый сладкий поцелуй в моей жизни. Потом она нежно отстранилась, отдышалась, поправила волосы и прошептала:

– К тебе...

И мы поехали ко мне, и спали вместе, и встретили вместе рассвет. И мы были счастливы вместе.

Нет, это не был последний кирпич в моей крепости. Но это был самый важный кирпич, кирпич, удесятеряющий силы и жажду жизни, дающий странную смесь ощущения покоя и буйства, тепла гейзера и холода айсберга, тот кирпич, что «громче вопля бешеного, но тише писка забитой мыши».

Я говорю тебе про любовь.

Два дня мы не вылезали из постели, делая перерывы только на перекур или на поход к холодильнику. На кухне, замотанные в одеяла, поглощали все, что удавалось найти и возвращались в спальню. Любовь действительно творит чудеса. Несмотря на предшествовавший этим дням бешеный ритм жизни, мои силы не иссякали, а занятие любовью с любимой девушкой не шло ни в какое сравнение с чисто механическим сексом с девушкой не любимой. Первое – на порядок выше, приятнее, красивее.

В воскресенье утром я с трудом нашел в себе силы встать. Но слово «надо» в последнее время перестало быть для меня пустым звуком. А потому я собрался и аккуратно, стараясь не разбудить Ксюшу, встал с кровати

– Не уходи, – услышал я её сонный голос. – Останься.

– Ксюша, я не могу, мне нужно бегать, – я ласково отстранил ее руку и, шатаясь, пошел в ванную.

– Ах ты мой спортсмен, – ласково сказала Ксюша и уснула безмятежным сном.

Я с остервенением почистил зубы, оделся и пошел бегать. Терять время я себе позволить не мог, как бы не было приятно нежиться в постели с любимой.

Люди, проходившие через футбольное поле, чтобы сократить дорогу, могли видеть бегущего счастливого, влюбленного, улыбающегося и заматеревшего парня. Парня? Мужчину! Меня, Сергея Александровича Резвея, закончившего строить свою первую кирпичную крепость.

Уважение сотрудников и друзей, победа в драке или словесном поединке, любовь красивой девушки – все эти атрибуты крутости – безусловное достижение, но только для того Резвея, над которым потешались всем офисом.

Сейчас для меня это просто пройденный этап, не крутость, а норма жизни. Так и должно быть. Впереди – новые цели и новые горизонты. Новые, более тяжелые кирпичи ждут меня.

После пробежки по дороге зашел в магазин. Меня немного шатало от бессонницы, прохожие могли подумать, что я всю ночь пил. Еще бы, трехдневная щетина, пропахший потом спортивный костюм. У прилавка я увидел худющего сгорбленного парня. Засаленные волосы, забитый вид. Он терпеливо ждал, когда уснувшая продавщица уделит ему внимание.

– Девушка, проснитесь! – гаркнул я.

«Девушка» ворчливо встала, уперла руки в бока и спросила:

– Чего вам?

– Два пива! – попросил я.

– Пиво какое именно?

– Мне «Самурай», а вот этому... – я повернулся к задохлику. – Тебе какое пиво, чудик? И зовут-то тебя как?..